

ЭЗО Терра

Человек велик в своем потенциале, но так мало его использует. Увлечшись разумом, мы почти отказались от глубин и вершин собственного Духа.

Мы захлебываемся, бродя по колено в море информации, и отчаянно боимся упасть, если только поднимаем глаза к небу. Но тот же разум требует расширить взаимодействие с миром, смотреть и видеть, прикасаться и чувствовать, ощущать и переживать его во всей полноте.

ЭЗО-terra — территория тех, кто уже вдохнул воздух свободы и попытался рассказать об этом остальным. Это мир глазами видящих, зов в слове услышавших, воплощение Духа в сосудах человеческой смелости, безрассудства и мудрости.

ЭЗО-terra — взгляд на нашу жизнь со следующей ступени бытия, набор инструментов для будущего, оставленный нам Мастерами.

Пришло время действия со знанием!

Эзо-терра:

**Ошо
Путь белых облаков**

**Карлос Кастанеда
Прыжок из тени**

**Тайны мая
Солнечное время**

**Лао-цзы
и
«Дао дэ дзин»**

**Идрис Шах —
вестник суфизма**

Идрис Шах —
**ВЕСТНИК
СУФИЗМА**

Санкт-Петербург
Издательство «Афина»
2008

ББК 88.6

И 29

*Автор обложки
художник Дарья Дударева*

И 29 Идрис Шах — вестник суфизма. — СПб.: «Афина», 2008. — 192 с.
ISBN 978-5-91271-046-9

На белоснежном мраморном надгробье его могилы высечены строки Руми: «Не смотри в мое лицо, но возьми то, что у меня в руке».

Идрис Шах (Idries Shah, Sayed Idries el-Hashimi) (1924—1996) — предприниматель и автор сотен текстов, прямой потомок Мухаммада (по одной из версий) и научный директор Института изучения культур, основатель издательства и Учитель, тайный советник властителей восточных империй, человек, одним из первых открывший Западу сокровенное знание суфизма.

В чем секрет Великого шейха суфиев, жившего в Лондоне в доме с гобеленами на стенах и запивавшего английским элем совершенно европейский бифштекс? Где таинственность, экзотика, тайное знание? Может быть, там, за фасадом биографии, хранится притча о его истинной жизни?

ISBN 978-5-91271-046-9

© «Афина», 2008

«ВОЗЬМИ ТО, ЧТО У МЕНЯ В РУКЕ»

На белоснежном мраморном надгробье его могилы высечены строки Руми: «Не смотри, в мое лицо, но возьми то, что у меня в руке».

Идрис Шах (Idries Shah, Sayed Idries el-Hashimi, 1924–1996) — один из самых известных людей среди тех, кто представляет суфийскую эзотерическую традицию XX века.

Успешный предприниматель и автор более 35 книг и сотни монографий, переведенных на множество языков мира, прямой потомок Мухаммада и научный директор Института изучения культур, основатель издательства и Учитель, тайный советчик властителей восточных империй — Великий шейх суфиев, человек, одним из первых открывший Западу это учение и приложивший массу усилий для его популяризации.

Его книги можно найти и в магазинах эзотерической литературы, и в библиотеках Оксфорда: труд «Суфизм», связавший классическую суфийскую литературную традицию со средневековым

христианством и иудаизмом, — программное пособие для студентов этого элитного учебного заведения. На авторитет Идриса Шаха ссылались журнал *Nature* и знаменитая писательница Дорис Лессинг; его имя есть и в популярной энциклопедии «Man, Myth and Magic». Кажется, он самый популярный суфий на Западе: самый западный суфий или самый суфийский европеец?

Книги Идриса Шаха — это притчи, обучающие притчи для тех, кто проникся суфизмом. Написаны они просто и увлекательно и касаются, кажется, всех аспектов земного существования человека: выбранного пути, семьи, взаимоотношений в обществе, жизненного опыта. С каждым годом они обретают все новых и новых читателей.

Шах не хотел, чтобы его называли гуру, как неоднократно и заявлял в интервью. Видимо, поэтому многие аспекты его жизни до сих пор были скрыты покровом тайны.

Часть 1

**Д е т с т в о —
И С Т О Ч Н И К Ж И З Н И**

ИЗО
Terra

На отрогах Гималаев

...Он любил смотреть на горы, хорошо видимые в прозрачном утреннем воздухе и еще не укрытые облаками, которые к обеду всегда заволакивали их вершины. В величественных очертаниях зубчатых заснеженных пиков Пир Панджала и Большого Гималайского Хребта, скрывающихся в глубине небес, он ощущал неземное величие и покой. Старший брат еще спал, мать хлопотала по хозяйству, отец сидел над своими рукописями, а маленький Идрис, тайком от всех забравшись на широкую пологую крышу, разглядывал вершины таких близких и таких далеких Гималаев.

Эти горы потом снились ему в течение всей жизни, в самые переломные моменты, как будто одной своей мощью убеждая его в правильности выбранного пути и придавая сил.

Снился ему и родной город Симла на его пяти больших холмах. «Летняя столица Индии», как называл его Киплинг. Снился лабиринт узких улиц, спиралями каменных ступеней спускавшихся от

отрога Ридж, где Шах родился и где прошли самые счастливые годы его детства.

Больше всего он любил теплые и сухие ноябрьские дни, когда воздух казался хрустальным, дома и люди на улицах, казалось, начинали светиться. Он любил и теплую зиму, когда вода в уличных лужах редко покрывалась хрустким льдом, но часто шел пушистый снег; любил и весну с ее резкими переменах ветра и холодными ливнями, пришедшими с гор; и лето с его наплывом туристов.

Сбежавшие из Калькутты из-за ее влажной жары, английские джентльмены с трубками и в твидовых пиджаках и леди в шелковых платьях были ласковы к маленькому афганскому мальчику в чистом нарядном костюме. Ему не нужно заискивать перед ними, как другим мальчишкам, чистильщикам или носильщикам: он ведь происходит из *respected Afghan family*, как говорили туристы, — уважаемой афганской семьи древнего рода Пахман (*Paghman saadat*).

Но никто из чопорных англичан даже представить себе не мог, что через несколько десятков лет этот худенький смуглый мальчик, держащий себя с таким достоинством, станет властителем умов и одним из самых влиятельных людей Англии.

Джафар, сын Йахья из Лиссабона, решил отыскать суфийского «Учителя века» и еще юношей отправился в Мекку на его поиски.

Там он встретил таинственного незнакомца, человека в зеленом, который сам внезапно обратился к нему:

— Ты ищешь Величайшего Шейха, Учителя Века. Но ты ищешь его на Востоке, когда он на Западе. И еще одно неправильно в твоих поисках.

Он направил Джафара обратно в Андалусию и указал искать человека по имени Мохи ад-дин, сына аль-Араби, из рода Хатим-Тай: «Он — Величайший Шейх».

Умалчивая о причине своих поисков, Джафар отыскал семью Тай в Турции и осведомился об их сыне. Оказалось, что, когда Джафар покинул дом в поисках Учителя, Мохи ад-дин находился в Лиссабоне. В конце концов он отыскал его в Севилье.

— Вот Мохи ад-дин, — сказал ему один священник. Он указал на мальчишку-школьника с книгой Священного Писания под мышкой, спешившего из лекционного зала.

Джафар растерялся, но остановил мальчишку и спросил:

— Кто является Величайшим Учителем?

— Мне нужно время, чтобы ответить на этот вопрос, — сказал тот.

— Ты единственный Мохи ад-дин, сын аль-Араби, из рода Тай? — спросил Джафар.

— Да, это я.

— Тогда ты мне не нужен.

Тридцать лет спустя, в Алеппо, он очутился в лекционном зале Величайшего Шейха Мохи ад-дина аль-Араби, из рода Тай. Мохи ад-дин заметил, как он вошел, и сказал:

— Теперь, когда я готов ответить на вопрос, поставленный тобою, нет необходимости задавать его. Тридцать лет тому назад, Джафар, я не был тебе нужен. По-прежнему ли я не нужен тебе? Когда-то человек в зеленом указал на нечто неправильное в твоих поисках — время и место.

Джафар, сын Йахйа, стал одним из наиболее продвинувшихся учеников аль-Араби.

Идрис Шах. Путь суфиев

Легенды родословного древа

Идрис Шах, или Сайед Идрис эль-Хашими, родился в индийском городе Симле 16 июня 1924 года. Его родителями были шотландка Элизабет Л. Маккензи и афганец Сирдар Икбал Али Шах.

Отец Идриса, Сирдар Икбал Али Шах, сын Амджеда Али, одного из самых влиятельных вождей древнего афганского племени Пахман, родился в 1894 году в индийском городке Садхана. Потом он стал весьма популярным писателем и дипломатом, а также тайным советником и наперником таких влиятельных восточных мировых лидеров, как президент Турции Аттатурк, шах Афганистана Амануллах, король Албании Зог и король Египта Фуад. Причем столь близкое знакомство с королевскими особами не слишком способствовало росту семейного благосостояния...

«Как утверждал Грейвс, Идрис Шах и его брат Омар были потомками Мухаммада по мужской линии и обладали секретными знаниями суфиев. Эту информацию Грейвс получил от самих братьев

Шах» (Миранда Сеймур. Роберт Грейвс — жизнь на краю).

По версии самого Идриса, его род хашимидов (или в иной транскрипции — сасинитов) — один из древнейших на Земле. Он ведет свое начало от потомков Хашима Манафа, прадеда самого Пророка Мухаммада.

В официальной биографии Идриса Шаха утверждается, что его древняя и достойная родословная в 1970 году была проверена и подтверждена докторами исламского права, и принадлежность к роду Пророка по самому рождению дает ему право на получение по генетической линии духовной власти суфийского учителя. Среди множества его родовых титулов были такие, как Sharif (принц крови), Badshah (независимый), Emir (эмир), Sirdar (генерал) и Hadrat (святой).

У Шаха, как и у любого великого человека, были помимо учеников, преданных поклонников и яростных сторонников и серьезные противники.

Один из них, Джеймс Мур, в работе «Неосуфизм: случай Идриса Шаха» выразил свой, весьма критический взгляд на генеалогическое древо нашего героя и написал о том, что претензии Идриса Шаха могут быть рассмотрены как весьма приблизительная теория. Если он и является Сейедом, то только вместе с миллионом предполагаемых потомков младшего внука Мухаммада — Хусейна. И как тогда говорить о передаче ему особой духовной власти?

Второе же предположение Шаха о его происхождении «от чресл Абрахама» и от последних королей Сисанидов кажется Джеймсу Муру еще более фантастичным, «печальной областью творческой генеалогии». Эта теория должна опираться на происхождение потомков исключительно по старшей мужской линии от Мухаммада, но никто не учел того затруднения, что все три сына Пророка, по легенде, умерли в младенчестве.

А вот что пишет в своей книге «Бабуин мадам Блаватской» Питер Вашингтон: «Если Шах и в самом деле происходил от Мухаммада, то, естественно, не по основной мужской линии, как говорили сторонники Шаха, потому что таковой не было. Три сына Мухаммада умерли в младенчестве, и род продолжили его дочь Фатима, зять Али и два их сына, Хасан и Хусейн».

Ты, ради забавы бодающийся с бараном,
Ты скоро увидишь разбитую голову.

Идрис Шах. Путь суфиев

Мур писал: «Прослеживаемая родословная Шаха заканчивается в пределах туманного афганского клана из Пахман, местечка в пятидесяти милях от Кабула». Ни Мур, ни Вашингтон не отрицали, что семья Идриса, принадлежавшая к афганскому роду из Пахман, была весьма богатой и уважаемой и ее глава очень умело выстраивал отношения с британцами.

Во всяком случае, есть вполне достоверные и многочисленные сведения о прадедушке Идриса: Саид Магомет Хан стойко поддерживал Шаха Шуджи, ставленника британских колониальных властей. В течение всей его жизни он стойко придерживался пробританских симпатий, и за это английский король вознаградил его дворянским титулом с именем Джан Фишхан Хан и обширными поместьями. Кабульские государственные чиновники проявляли к этому человеку искреннее уважение за прямое и открытое поведение (в общем-то не свойственное хитрым вождям афганских кланов) и звали его «помещиком Пегамии», а по версии Мура, он получил прозвище Фанатик за то, что поддерживал британские интересы против своих мусульманских единоверцев.

Он участвовал в военном походе сэра Роберта Сейла от Кабула до Джелалабада, и его воины помогали британцам захватывать высоты прохода Тизин. В донесениях, которые отправлял Сейл, говорилось, что Хан Фишхан — один из «немногих вождей, которые показали искреннюю преданность британским интересам».

Английская военная кампания 1839 года была короткой и победоносной: вступив в Афганистан в марте, в июле войска взяли Кабул и поставили в нем Шаха Шуджи. Войска британцев расположились на отдых, но, как оказалось, война не была закончена. Прямой потомок низложенного англичанами эмира Мухаммада, которого отправили

в ссылку в Индию, начал склонять на свою сторону полудикие афганские племена. А недалёковидные англичане в этот момент сократили денежные субсидии, с помощью которых когда-то привлекли на свою сторону горные кланы, полностью контролировавшие Хайберское ущелье — практически единственную транспортную магистраль, по которой англичане получали снабжение. После сокращения выплат пуштунам, единственная связь с западным миром была оборвана, и армия оказалась в ловушке.

В результате восстания в 1841 году, когда горные племена захватили британскую резиденцию, они поставили во главе страны сына эмира Мухаммада, который с восточным коварством предложил британским войскам свое сопровождение через Хайберское ущелье при отступлении, но вместо этого позволил горцам уничтожить всю армию — до Джелалабада добралось всего несколько человек.

В отместку свежие британские войска, посланные из Англии, на своем пути от Джелалабада до Кабула начали истреблять всех мужчин старше четырнадцати лет. Новый ставленник бежал в горы с немногочисленным отрядом телохранителей, и колониальные английские власти снова стали контролировать страну, попытавшись извлечь уроки из своих ошибок.

Главным уроком стало то, что к кланам горцев (например, к тому, который возглавлял прадед

Идриса) нужен был особый подход. На перевалах и в ущельях жили особые люди — каждое поселение было крепостью, находившейся в состоянии перманентной войны с соседями. Племена пуштунов — хайбери, юсуфзаи, баракзаи — век за веком спускались на равнину, чтобы добывать себе пропитание разбоем. Вместо Закона здесь были свои непоколебимые правила, например «бадал» — кровная месть за оскорбление или смерть родственника, правило «нанавати», гарантировавшее безопасность любому путнику, попросившему убежища в доме хозяина.

Этих людей нельзя было завоевать, их можно было только подкупить, одновременно применяя запугивание и тонкие политические игры, сталкивавшие племена между собой. Их нельзя было подчинить цивилизации — с ними можно было только попытаться договориться.

Прадед Идриса, видимо, был намного дальновидней своих соплеменников, одним из первых начав сотрудничать с англичанами и извлекая из этого сотрудничества весьма ощутимую прибыль для себя и своего племени. И вот как раз за пробританские симпатии ему пожаловали титул и плодородные земли неподалеку от Кабула. Правда, через некоторое время семья лишилась собственности, доставшейся клану, и Джан Фишхан Хан перевез всех в Индию, в поместье Садхана возле Дели, где и сегодня проживают потомки одной из ветвей этого рода.

Дед Идриса, Амджед Али, по семейным преданиям, был одним из муршидов, или наставников, ордена суфиев Накшибанди.

В суфийской традиции существует несколько путей передачи, трансляции учения:

джазба — путь привлечения божественным, пассивная форма непосредственного переживания религиозного откровения и духовного знания;

сулук — активная форма достижения непосредственного переживания духовного знания;

увайси — наследование непосредственно пережитого духовного знания от духа (например, от духовной сущности умершего учителя или святого);

принцип силсилы — преемственность пережитого духовного знания от духовной стороны личности муршида (учителя) его учеником (мюридом) — непрерывная цепь духовной преемственности;

родовое наследование духовного знания от отца к сыну. Неоспоримое духовное лидерство суфийских шейхов чаще всего обосновывается именно этой причиной.

Так что для учеников, а также критиков Идриса Шаха его связь с суфийской традицией, выраженная преемственностью или генетическим наследованием, кажется неоспоримой или, по крайней мере, наиболее вероятной.

Накшибанди, или Накшбанди, — один из наиболее влиятельных и мощных тарикатов (тарикат —

община, орден), связанный с именем великого шейха Бахгаутдина Накшибанди (1318–1389) и названный в его честь. В Бухаре в честь этого учителя возведен мавзолей, к стенам которого стекается множество паломников-суфиев. В различное время членами этого тариката были имам Шамиль, Алишер Навои и Джами.

Члены тариката Накшибанди считают, что на пути к достижению осознания реальности и высшему пику пути, состоянию Фан, когда сердце открывается Вседержителю и впускает Его, есть несколько макам (макам — стадия или, как чаще говорят, ступень пути). Эти ступени, их очередность и продолжительность для каждого ученика-суфия могут быть разными, но обычно сначала человек учится правильно произносить и писать молитву, на следующей ступени пытается установить контроль над дыханием, затем учится осознавать себя в любой момент времени и так далее. Самые распространенные духовные практики данного тариката — это халват дар анджуман — одиночество в толпе; базгашт — трезвость ума; хуш дар дам — сознательное дыхание; яддашт — память об Аллахе.

Пройдя все ступени пути, суфий может достичь просветления.

Один из серьезных критиков Идриса Шаха и его работ Мир Харвен писал, что преемственность была прервана и Идрис Шах не мог быть шейхом, так как не был шейхом его отец. «Его отец, Сир-

дар Икбал Али Шах, не был шейхом ни в каком ордене дервишей, особенно Накшибанди, который, по некоторым критериям, наиболее строгий и фундаменталистский суфийский орден».

Но ему можно возразить, опираясь на то, что есть много тарикатов Накшибанди — турецкий, индийский, афганский и другие, — можно быть шейхом в любом из них и быть истинным шейхом. К тому же мы уже упоминали о том, что духовная традиция может передаваться как генетически, так и от учителя к ученику, и зачастую такое обучение, этот этап пути суфия, по той или иной причине не передается огласке среди непосвященных.

Скорее всего, так было и с отцом Идриса Шаха, и с самим Идрисом.

Сын Амджеда Али, отец Идриса — Сирдар Икбал Али Шах (1894–1969), фундаменталистскому Афганистану предпочел демократическую Европу. Юношей он переехал в Эдинбург, столицу Шотландии, изучать медицину (но не это было его истинным призванием).

Во время Первой мировой войны он поступил волонтером в индийскую больницу в Брайтоне и не был призван на военную службу. В Эдинбурге скромный студент-афганец, прилежно посещавший занятия по медицине, встретил юную белокожую красавицу Элизабет Л. Маккензи, так похожую на звезду немого кино.

Существует легенда, что мать Шаха, сильная и решительная женщина, вопреки воле отца связав-

шая свою судьбу с афганским принцем клана Пахман («Мезальянс!» — возмущались родственники с той и с другой стороны), вела свой род от герцога Гамильтона (и поэтому впоследствии свои книги она издавала под псевдонимом).

Идрис Шах не опровергал, но и не подтверждал эти слухи. Но вряд ли отец Элизабет Л. Маккензи мог иметь какое-либо отношение к роду Гамильтонов, к тому же доподлинно известно, что ни двенадцатый, ни тринадцатый герцоги не имели дочерей (или внебрачной связи, от которой родились бы дочери), о чем есть свидетельства в «Истории дома Гамильтонов», написанной полковником Джорджем Гамильтоном. Это несмотря на то, что один из эксцентричных членов этой семьи, сэр Чарльз Эдвард Арчибальд Уоткинсон Гамильтон, принял ислам в 1923 году, взяв себе имя Абдулла.

До встречи с красивым и мужественным афганским принцем жизнь Элизабет текла абсолютно предсказуемо: домашнее обучение, курсы, далее должно было быть удачное замужество с обеспеченным будущим... Если бы модная в то время ясновидица К. увидела в хрустальном шаре ее судьбу — переезд в «дикий» Афганистан, принятие мусульманства (Елизавет была убежденной протестанткой), свадьбу, похожую на сказку из «Тысячи и одной ночи», посредничество в примирении враждующих афганских кланов, — она бы расхохоталась. Но любовь смуглого юноши перевернула всю жизнь Элизабет.

Мать Идриса описала историю своей любви в книге, спустя многие годы выпущенной в издательстве ее младшего сына. Она называлась «Моя Хайберская свадьба» — в честь Хайберского ущелья, откуда происходил род Шаха, и выпущена была под псевдонимом Мораг Мюррей; на русский язык книга не была переведена.

...Первая встреча Элизабет с Сирдаром Икбалом Али Шахом произошла при весьма необычных обстоятельствах. В Европе бушевала Первая мировая война, но Эдинбург не выглядел безжизненным и мрачным военным городом. Казалось, что война — выдумка досужих журналистов. Хотя многие строительные работы были свернуты и по вечерам город погружался в темно-синий призрачный сумрак (фонари были покрашены из-за возможных налетов), но кафе и кондитерские работали, а в театрах и танцзалах было не протолкнуться.

В городе было много раненых, точнее, раненые лежали в госпиталях, а улицы города были заполнены выздоравливающими молодыми мужчинами, оправляющимися от ранений; и каждый день на фронт уходили полные эшелоны. Военная лихорадка особенным образом влияла на настроения молодых людей — они торопились жить и чувствовать и решались на революционные в своей безрассудности поступки. В первую очередь они хотели внести посильный вклад в победу.

В мирные дни Элизабет увлекала лишь живопись, и девушка проводила целые дни в городском парке за этюдными зарисовками, но с началом войны она забросила свое увлечение — ей хотелось проводить больше времени среди людей, чтобы не так ощущать свое одиночество после гибели брата.

Кто-то из знакомых предложил поработать волонтером на складе медицинского оборудования или заняться продажей флагов для сбора пожертвований в помощь фронту. Эллис с радостью взялась за работу, порой проводя на улицах родного Эдинбурга по двенадцать часов в день, предлагая прохожим купить флаг в честь грядущей победы.

Девушка, работавшая с ней, как-то раз пригласила Элизабет на прием в университет. Эллис, занятой однообразной, хотя и очень важной работой, ужасно захотелось туда попасть, и она настойчиво уговаривала отца отпустить ее. Отец ворчал, говорил о студентах, что они дикие и вольнодумцы, но все-таки согласился, поставив условие, чтобы Элизабет была дома строго в десять часов вечера. Ей дали всего два часа на развлечения, но она была счастлива и взволнованна.

Элизабет долго примеряла платье из розовой тафты, подбирала к нему розовые туфли и чулки и прикрепляла на волосы маленькие мускусные розочки — наверное, она была похожа на клубничное мороженое. Самой себе она ужасно понравилась: Золушка отправилась на свой первый бал.

Зал университета поразил ее своими размерами, количеством красивых студенток, одетых совсем не так, как она, и тем, сколько людей разных национальностей было вокруг: маленькие японцы и огромные африканцы, индусы, арабы — все были так ярко и экзотично одеты, а в английской речи то и дело были слышны фразы на непонятных языках.

Глядя на чужое волнение, Элизабет немного успокоилась. И тут, как и должно быть в сказке, на пороге появился прекрасный Принц. По лицу смуглого юноши Элизабет не могла угадать, к какой национальности он принадлежит, и спросила об этом спутницу, которая ответила, что хорошо его знает, что он очень умный, и говорят, что он афганский принц.

Элизабет не могла отвести от юноши глаз — ей нравилось в нем все: и что он принц, и что он держится прямо, как завоеватель, но в то же время естественно, и его резкие черты лица, и его спокойствие в противовес волнению окружающих, и его галантные манеры; то, как он раскланивался с дамами, ей ужасно понравилось. Она тут же загадала, что хочет быть одной из тех дам, на которых он обратит свое внимание.

Но сама Элизабет пряталась за спинами гостей, а когда ее избранник подошел к ним совсем близко, подруге пришлось ее позвать, чтобы представить молодых людей друг другу. Элизабет хотелось провалиться сквозь пол, и она не могла под-

нять глаза на юношу, и тот, чтобы снять неловкость, предложил принести ей чаю.

Когда он отошел, Эллис почувствовала, что все ее мечты сбылись, у нее прекрасный кавалер. Сирдар захватил для нее и кусок шоколадного пирога, а девушка поинтересовалась, почему он не взял сладости и себе. «Мужчины гор не думают о булочках», — ответил Сирдар, и Эллис потеряла дар речи.

Они танцевали, говорили о горах и Афганистане, когда Элизабет вдруг заметила, что уже половина одиннадцатого. А ведь она обещала быть дома в десять — как ей теперь оправдываться, как добираться до дома и сколько времени это еще займет?

Она чуть не плакала и рассказала о своей беде Сирдару, который тут же любезно предложил отвезти ее и ее спутницу по домам. Он ушел искать подружку Эллис, а она загадывала про себя, чтобы ту никогда не нашли. Озадаченный безрезультатным поиском, Сирдар вернулся, и через несколько минут они уже сидели вдвоем в его автомобиле. Ехали они быстро, а девушка разрывалась между двумя противоположными эмоциями — радостью быть вместе с ним и страхом перед отцом, если он их увидит вдвоем.

Машина подъехала к дому. Элизабет тихо прошептала «спасибо», Сирдар поцеловал ей руку и спросил, может ли еще иметь честь увидеть ее. Эллис, хотя ей очень не хотелось уходить, по-

мнила о фонаре, под которым они стояли, и очень боялась, что отец рассмотрит ее спутника как следует. «Мои родители не разрешат этого», — сказала она, добежала до двери и еще раз оглянулась на своего провожатого. Грустный, он показался ей очень красивым; и засыпая, и проснувшись на следующее утро, она думала только о нем.

...Так началась прекрасная история любви — девушка наконец встретила своего Принца. Но не все в романе, как и в отношениях родителей Идриса, развивалось по законам сказки. Через несколько месяцев отец Элизабет сказал, что решил после окончания войны выдать ее замуж за сына своего школьного друга. Элизабет была потрясена и рассказала отцу о своем афганском друге, о невинных дружеских встречах и искренней симпатии, а в ответ услышала: «Это должно немедленно прекратиться. Садись и пиши ему письмо под мою диктовку, что ты выходишь замуж и вы не увидите больше». Отец был в бешенстве. Она была протестанткой, ее друг — мусульманином.

— Он сделает тебя своей рабыней! А когда ты ему надоешь, глупая девчонка, он подсыплет тебе в пищу толченого стекла и похоронит в пустыне, — кричал ей отец.

Покорная воле отца, Элизабет написала письмо под его диктовку, но после недели душевных страданий написала второе с просьбой о свидании. Влюбленные помирились, и узнав, что де-

вушка свободна, афганский принц попросил ее стать его женой. И она сказала «да».

Он обратился к ее отцу, но тот ответил юноше отказом, объяснив его молодостью невесты. Сирдар Икбал телеграфировал своему отцу. Ответ Амджеда Али был коротким: «Категорически против». Он указывал на то, что невеста не мусульманка и не выдержит жизни в горном племени, которое находится в состоянии войны.

Мать Сирдара была более красноречива:

— Сынок, зачем тебе белая жена? Белые женщины не могут быть верными женами — даже будучи замужем, они кокетничают с другими мужчинами. Они пьют алкоголь! Что от таких можно ждать!

Каких усилий стоило влюбленным сломить сопротивление семей, трудно даже представить. Элизабет приняла решение стать мусульманкой и следовать за женихом повсюду, и они все-таки получили благословение родителей. После бракосочетания в европейской традиции Элизабет отправилась с мужем в Афганистан, в родовое поселение семейства Шахов, расположенное в ущелье Хайбер, между Пакистаном и Индией...

У самого спуска в долину обрывалась железная дорога, и за шлагбаумом терял силу любой закон, кроме закона гор. Это зона племен, где власть, как и века до этого, принадлежит вождям — племенным и клановым лидерам. Здесь зародился талибан, горцы до сих пор подчиняются только своим

маликам, а высший орган власти — это совет родовых старейшин... Двадцать лет Элизабет провела в стране, где живы обычаи кровной мести и женщины существуют совсем в других по сравнению с европейскими странами социальных и психологических условиях.

После примерки роскошного, искрящегося блесками наряда, который подарила ей свекровь в придачу к маленькому ларцу с кучей драгоценностей такой величины и великолепия, каких Элизабет даже не могла себе представить; после купания в молоке ослицы и ванны из розовой воды, предварявших церемонию брака, которая сделала ее жительницей Форта Кох; после всего изобилия неожиданных впечатлений она постаралась стать одной из них, этих странных женщин, и даже научилась защищать форт от нападений других племен, когда мужчины были далеко.

Элизабет никогда не пожалела о своем выборе и всю свою жизнь полагала, что проблемы в смешанных браках возникают лишь потому, что мужчины «становятся жертвами женщин „неправильного“ класса». Ее же брак оказался на редкость удачным; Элизабет родила мужу двух сыновей — Идриса и Омара и дочь Амину.

Когда Идрис был еще маленьким, семья перебралась в Симлу, поближе к цивилизации.

Мое сердце может принять любой внешний вид. Сердце меняется в соответствии с

изменением сознания во мне. Оно может предстать в виде луга с газелями, монастыря, храма с идолом, Каабы — цели паломников, скрижалей Торы для определенных наук, дара листов Корана.

Моя обязанность — вернуть долг Любви. Я свободно и с готовностью принимаю всякую ношу, возлагаемую на мои плечи. Любовь подобна любви влюбленных, с той разницей, что вместо любви к необычному моя любовь — к Сущности. Такова моя религия, таков долг, такова вера. Назначение человеческой любви — явить любовь превышную, истинную. Именно эта любовь является сознательной. При той, другой, человек теряет осознание себя.

Идрис Шах. Путь суфиев

СКАЗКИ СИМЛЫ

Сирдар Икбал воспитывал сына в любви к суфийской традиции, он учил его особому подходу к постижению жизни, считая что Идрис должен получить свой собственный опыт о мире. Несмотря на высокое происхождение, он настоял, чтобы мальчик год проработал чернорабочим на ферме (а впоследствии он получил и армейский опыт).

Он не отдал его в школу, полагаясь на домашнее обучение. Так что Идрис никогда не посещал школу в формальном смысле слова: «Я получал образование в старой восточной традиции, по которой если я должен был изучить какой-то предмет, то всегда находили того (учителя. — *Прим. ред.*), кто мог мне это преподать», — вспоминает Идрис Шах в интервью Великий шейх суфиев Эдвину Кистеру-мл.

Ему нравилось ходить с отцом на суфийские служения.

Участники ритуала рассаживались по кругу, в центре садился халиф, руководящий бдением. Со-

брание открывалось первым символом исповедания веры «Нет Бога, кроме Аллаха», которую собравшиеся произносили до тридцати раз, затем при словах «Аллах, он Аллах» дервиши поднимались и начинали наклоняться сначала влево, затем вправо. Молитва продолжалась; вдохи и выдохи, наклоны и повороты, запрокидывание головы ритмично чередовались в темпе, который задавал халиф. Голоса, вначале еле слышимые, возрастали до крика, а темп, очень медленный в начале молитвы, все увеличивался. Некоторые суфии впадали в удивительное экстатическое состояние, которое сначала пугало маленького Идриса, но и возбуждало в нем удивительное любопытство.

Он рано научился зикру — духовному упражнению, целью которого является чувство божественного присутствия внутри себя, отказ от собственной сущности и сосредоточение на имени Бога или молитвы, содержащей одно из имен Бога. Идрису нравился танец дервишей — завораживающий, всегда изменчивый и неизменный, ни на что не похожий. Может быть, он и не достигал хала — состояния божественного экстаза, — но его посещали некие откровения относительно его будущего пути. Правда, в этих видениях никогда не было его любимых гор, а были странные здания, непохожие на дома родной Симлы.

Однажды ему приснился сон, как будто он слышит звуки божественной музыки и сидит в окружении величественных мужей, среди которых по-

степенно начинает узнавать лики с чертами великих суфиев, говоривших ему невыразимо мудрые слова. Когда Идрис открыл глаза, в его ушах таяли обрывки фраз и продолжала звучать прекрасная музыка, он почувствовал, что улыбается.

Став намного старше, он вспомнил этот сон и понял, что это был первый знак для него, идущего по Пути.

Вторым знаком стало пророчество его деда, перед смертью позвавшего сыновей и внуков и сказавшего, указывая на Идриса, что именно такого внука он ждал от Всевышнего — «он пронесет учение по всему миру».

Третьим знаком стало видение лица Пророка, ласково склонившегося над спящим юношей и осветившего его сиянием своей благодати.

Обо всех этих знамениях он вспомнит позднее, уже обучаясь у суфиев, — воспоминания предстанут перед ним так ярко, словно он опять вернулся в детство...

Но пока жизнь Идриса не превратилась в легенду, он с удовольствием слушает деревенские сказки Симлы среди слуг на кухне (в 1906 году писательница Элис Дрэкот выпустила сборник местных преданий), рассказы стариков у красно-желтого храма Джакхи, или, как его называли, «обезьяньего храма».

«Когда Шах начал писать, он словно вернулся назад, в свое детство, и ясно представил буквально сотни рассказов простого народа: он учился у

слуг, у деревенских рассказчиков, у великой персидской литературы и даже «только из воздуха» (Э. Кистер-мл. Великий шейх суфиев).

С вершины горы, на которой стоит храм, открывается прекрасный вид на любимые Идрисом Гималаи, а старики судачат о местных звездах, писателе Редьярде Киплинге, который «в точности описал Симлу» в своей книге, или о «белом маге» Александре Джейкобе, местном маге и ювелире. Рассказывают, что он мог становиться невидимым: приглашенные к обеду гости видели только нож и вилку, мелькавшие в воздухе. А в его саду — и только там в целом городе — порхают прекрасные яркие бабочки.

Говорят, что всем этим чудесам его научил один великий суфийский святой, точнее, его блуждающий дух и теперь Джейкоб, хотя он белый, да еще, поговаривают, русский, обладает частью мистической силы мусульман.

...Все эти были и небылицы крепко запали в душу юного Идриса. Ах, если бы он мог повелевать тайными силами и сделать так, чтобы вокруг его дома тоже всегда летали бабочки! И чтобы горы никогда не были закрыты тучами и он всегда мог их видеть от своего дома...

Прощайте, Гималаи, здравствуй, Саттон

Увы, нашим желаниям часто не суждено сбыться. Скоро семья начала собираться в дорогу в далекую страну, о которой Идрис так часто слышал от отца. Намерения отца явились для него полной неожиданностью.

Отец Идриса, полный амбициозных планов, решил вернуться в Европу. Они переезжали в Англию, в Лондон, точнее, на его дальнюю южную окраину, в округ Саттон, входящий в состав 33 округов Большого Лондона. Из Саттона до The Big Smoke, как называют лондонцы свой город, ходили красно-синие электрички, а само местечко было похоже на бедную европейскую деревушку, в которой самыми большими достопримечательностями были Королевский госпиталь и две тюрьмы. Но пока только это место было им по средствам.

Сирдар Икбал активно занялся торговым бизнесом, писал книги, пытался заниматься политикой, но выдающихся успехов не достиг, и достаток семьи был хотя и достойным, но довольно

скромным. Разумеется, помимо обычной деятельности бизнесмена Икбал занимался и служением — по некоторым данным, как уже упоминалось, он был тайным советником и наперсником некоторых восточных мировых лидеров и даже имел частную беседу с королем Георгом V. Некоторые источники утверждают даже, что Сирдар Икбал до начала Второй мировой войны побывал с секретной миссией в советской Средней Азии, но есть большие сомнения в достоверности данной информации.

У братьев Омара и Идриса появилась младшая сестренка Амина. Однако Идрис, ошарашенный расставанием с домом, с горами, со всем, что любил всем сердцем, резко изменился — открытый и живой мальчик стал робким и молчаливым.

Вот и первый духовный кризис. Ребенок принимал готовую веру отца как нечто само собой разумеющееся, но растущий разум подверг детские верования суровой критике, признав их нелепыми и постаравшись отвергнуть. Часто в подобные периоды совершаются «революционные», но по сути глупые, несколько кощунственные и полудетские попытки все опровергнуть. Человек пытается на время найти спасение в науке (чтобы потом вернуться к своей религии, поняв, что наука имеет представление лишь о внешних фактах действительности).

Идрис много читал в это время, восполняя пробелы домашнего обучения, возможно, тогда он

впервые для себя открыл все великолепие классической персидской литературы и поэзии, неразрывно связанных с суфийской традицией.

Таких тихих и робких мальчиков обычно обижают в школе, к тому же он был не белым англичанином, а полукровкой с черными кудрявыми волосами, смуглой кожей и жгучими черными глазами... Эмигрантов, подобных их семье — зажиточных, интеллигентных восточных людей, — в Англии тогда было совсем немного, как и вообще эмигрантов.

Но Идрису и его брату, Омару Али, повезло: в Саттоне тогда не было сильного предубеждения к чужакам, как говорят в Англии, «карманы от них не прятали». Они могли спокойно общаться со сверстниками, постепенно принявшими их в свое мальчишеское братство, и даже пользовались немалым уважением за твердость характера в сочетании с большой долей восточной дипломатичности.

Часть 2

Юность:
ветер перемен

ИЗО
Terra

Тяготы войны: эвакуация, бомбежки

Идрис вырослел, и, как всякого подростка, его мучили вопросы о выборе жизненного пути. Родные вершины Гималаев казались теперь такими далекими, что вспоминались все реже. Он стал воспитанником одновременно двух культур, сыном Востока и Запада. Юношу захватила скорость жизни крупнейшей европейской столицы.

Они редко выбирались из пригорода, и хотя Идрис и представлял себе, что Лондон — большой город, но все же, в первый раз очутившись там, испытал разочарование. Да, здесь были блеск, шум и все великолепие мегаполиса, но он словно не понимал, на что смотрит.

Дома — великолепны, но их величие нельзя было сравнить с величием его гор, а мечети Афганистана казались ему более похожими на сказочные дворцы, чем, например, Букингемский.

В парке громко кричали какие-то религиозные ораторы, сообщавшие о конце света или пришествии инопланетян и собиравшие вокруг себя толь-

ко праздных зевак, которых обтекала равнодушная толпа. И Идрис, с детства соприкасавшийся с самым сокровенным эзотерическим знанием, с разочарованием и даже некоторым стыдом отворачивался от них...

И все же он успел всей душой полюбить новую родину, которая вначале казалась ему такой странной. С ее такими нелепыми сковывающими обычаями, как, например, отношение англичанина к своему дому. Идрису за его непродолжительную жизнь пришлось пожить во многих местах, он считал, что переезды с места на место естественны. Но англичане считали, что настоящий дом — обнесенный изгородью, с небольшим палисадником под окнами. Английские соседи Шахов, такие приветливые и предупредительные, всегда давали четко понять, что такое «частная жизнь». Границы участков были «священными», словно невидимая, но непреодолимая стена: если ее пересекали маленькие дети их соседей, их тут же забирали обратно с извинениями.

Незнакомцев не принято было приглашать в дом или даже в прихожую — с ними разговаривали строго на пороге дома (как это отличалось от обычая клана его деда и отца!). Если их приглашали в гости, то происходило это за две-три недели, чтобы не дай бог не нарушить их планы. О своем приходе следовало сообщить заранее хотя бы телефонным звонком, хотя общение по телефону считалось чуть ли не святотатством — вдруг

вы отрываете человека от телевизора или разговора или у него нет настроения общаться... Почта — гораздо более приятный способ общения: вскрыть письмо и ответить на него человек может в любое удобное для себя время. Англичане тратили очень мало денег на продукты — ежедневная трапеза семьи Идриса показалась бы любому англичанину расточительством, но привыкнуть к вкусу овсянки с зеленью Идрис так и не смог...

...Ветер оторвал его от мыслей, швырнув под ноги газетный листок с броским заголовком, сообщавшим о начале войны. Дома он читал газеты, но старательно пропускал информацию о далеких войнах, обо всем, что происходило за границами страны; ему казалось, что чтение этих сводок просто отнимает у него драгоценное время.

Война для Идриса началась внезапно — с бомбежек. А точнее, с тревожных слухов, которые так волновали его мать. Сначала до нее долетели слухи об атаке на Уимблдон и Кройдон, далекие пригороды Лондона, затем несколько бомб упали на Крипплгейт, в центре города. Король Георг VI и королева отказались оставить Лондон даже после попадания нескольких бомб в Букингемский дворец.

Идрис помнит, как тихо родители обсуждали это на кухне, переходя с английского на персидский в самые патетические моменты. В этот момент ему показалось, что устойчивый привычный мир студента колледжа, сына успешного предпринимате-

ля, любящего сына и брата исчезает, уступая место другому, где и он сам должен быть другим.

А война наступала на мирный город. Седьмого сентября в пять часов утра шестьсот немецких бомбардировщиков одной сплошной огненной волной, несущей смерть и разрушение, прошли над восточной частью города, сбросив тонны бомб. Возникли массовые пожары в жилых кварталах и на электростанциях, оставивших часть города без света. Город был похож на океан огня. Деревянные телеграфные столбы не выдерживали жара и начинали дымиться, а затем, как спичка, мгновенно вспыхивали сверху донизу, хотя языки пламени к ним даже не подступали.

Казалось, горела сама земля — это дымилось покрытие из деревянных дорожных колод... Ни пожарные, ни добровольцы не могли обуздать бушующее пламя. На берегах Темзы пылали оставленные там деревянные баржи, и издалека казалось, что горит сама река. От страха и безысходности люди сбегались в храмы и, стоя всю ночь на коленях, в рыданиях обращались к небесам с молитвой. Для всех, кто прошел через эту ночь, она стала самым страшным переживанием в жизни. Только в сентябре на Лондон было сброшено почти тридцать тысяч бомб, и зенитная артиллерия англичан была бессильна против немецких бомбардировщиков...

Семья Шахов не стала дожидаться этого огненного апокалипсиса, в конце августа Элизабет и де-

ти были эвакуированы в более безопасный Оксфорд, в 90 км от Лондона. В страшной спешке и панике семья собралась; упаковав вещи и одежду, они тронулись в дорогу, не зная о том, закончится ли их путь там или им придется ехать все дальше и дальше...

Англичане в ускоренном темпе разрабатывали контрмеры — устройства, создающие радиопомехи, ложные радиомаяки, новейшие радары... Большая часть немецких войск была переброшена на Восточный фронт, и масштабные бомбардировки превратились в редкие рейды... Семья осела в Оксфорде.

Оксфорд. Три года науки

В Оксфорде, всемирно знаменитом университетском центре и административном центре графства Оксфордшир, столице студентов, жизнь текла намного быстрее и оживленнее, чем в Саттоне. Этот город славился древней историей — ведь основан он был в X веке, а уже в XII–XV веках была построена большая часть сорока колледжей. Сначала там обучались только священнослужители, и лишь потом Оксфорд стал почти обязательным этапом образования представителей высшего класса.

Больше половины населения городка во все века составляли школяры — задиры и забияки, вольнодумцы и зубрилы. В XIII веке из-за массовой драки между студентами и горожанами часть школяров вместе с профессорами сбежала в Кембридж и основала там новый университет, положив начало многолетней вражде. Железнодорожная ветка, раньше соединявшая два городка, была закрыта, а подача заявлений о приеме до сих

пор производится в разное время. Когда-то великого поэта Шелли отчислили из университета за безбожие — сегодня в Оксфорде ему воздвигнут памятник. А вот духовному лидеру Кришнамурти даже после нескольких попыток не удалось сюда поступить.

Университет состоит из 39 колледжей, факультетов и семи закрытых учебных заведений, принадлежащих к религиозным орденам.

Идриса вдохновлял девиз Оксфордского университета: «*Dominus Illuminatio Mea*» — «Господь — мой свет». Идрис наслаждался жемчужинами живописного европейского искусства, исследуя залы прославленного оксфордского музея Ashmolean, любуясь подлинниками Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэля и Рембрандта.

В октябре, перед планируемым поступлением, он подал заявление в колледж, и после рассмотрения его рекомендательных писем и оценок Идрису прислали несколько письменных тестов, на которые он успешно ответил. Кроме того, при поступлении учитывались и оценки школьных экзаменов, которые не должны были быть ниже оговоренного балла.

И вот он стал студентом одного из самых престижных учебных заведений!

Идрис учился вполне успешно — он хотел стать мудрым.

«Желаю быть мудрым»

Люди часто путают дервишей, которые идут по суфийскому пути, и Суфи, которые уже прошли его.

Вот история, рассказанная дервишем, которая помогает осознать это различие.

Жил был однажды юноша, рассказывал он, который разыскал дервиша и спросил его: «Я хочу стать мудрым, как мне достигнуть этого?»

Дервиш вздохнул и ответил: «Жил некогда один юноша, похожий на тебя. Он хотел стать мудрым, и его желание было весьма сильным. Внезапно он обнаружил, что сидит, как я сейчас, напротив юноши, который спрашивает его: „Как мне стать мудрым?“»

Идрис Шах. Искатели истины

В годы студенчества Идрис, вероятно, чувствовал себя духовно одиноким — в нем происходила

огромная духовная и религиозная работа, а интересы его сокурсников ограничивались обычными заботами обеспеченной молодежи — танцами, вечеринками, знакомствами с девушками, новыми марками автомобилей. Но Идрис никогда не сторонился своих сверстников, напротив, осознав свое духовное превосходство, свою непохожесть, он не раздражался из-за пустой светской болтовни и находил в ней для себя определенный отдых.

В юности он увлекался теософией, трудами Сведенборга и Парацельса, теперь Идрис пытался и не мог найти объяснения своим сильнейшим мистическим переживаниям и некоторое время потратил на то, чтобы разграничить опыт мистический и оккультный. Выбор его чтения становился все более критическим и систематичным. Он увлекся философией Спинозы, объясняющего на свой лад то, что он давно чувствовал, — духовное всеединство мира (великий философ считал, что вся множественность материальных вещей происходит из единой духовной субстанции) и возможность «третьего познания», интуитивного. Идриса привлекало и религиозное восприятие жизни в трудах Шопенгауэра, его точка зрения западного буддиста, стремившегося к нирване — освобождению от страданий через подавление воли к бытию. Идрис решил, что необходимо пополнить свои знания об основных восточных религиях.

Ощувив, что занятия философией не могут удовлетворить матафизические запросы его духа,

но и ортодоксальный ислам не отвечает полностью его духовным запросам, Идрис начал искать более гармоничное, более универсальное мировоззрение.

Неделями он просиживал в крупнейшей университетской библиотеке, основанной в XVI веке и содержащей более шести миллионов книг!

Он начал изучать стихи великого Руми и рубаи Омара Хайяма. Один из его американских приятелей рассказал ему историю о том, как одно рубаи Хайяма спасло жизнь его земляку. Американец Эрл П. Хейни страдал от неизлечимой болезни и со дня на день ждал смерти. Но однажды в книжном магазине ему на глаза попался томик стихов Хайяма, открытый на странице со следующим четверостишием:

*Бери от жизни все, что в силах взять,
Пока сойдешь туда, где низок, тесен
Твой будет дом, и без вина, без песен,
Как прах, во прахе будешь ты лежать.*

Эрл купил себе гроб и... отправился в кругосветное путешествие. Он пил виски, курил (зная слова притчи буквально), объедался и развлекался ночи напролет. Он попадал в страшные бури, дважды тонул, поймал акулу — и вернулся домой здоровым!

Идриса поразила эта история и он еще сильнее заинтересовался жизнью и творчеством великого

поэта. Этот великий поэт и суфий был открыт западному миру в 1859 году, когда поэт и переводчик Эдвард Фицджералд, влюбленный в его стихи, издал первую книгу «Рубайят Омара Хайяма». Книга не пользовалась успехом, пока с ней совершенно случайно не познакомились популярнейшие тогда поэты Суинберн и Россетти. Они были поражены, они были вдохновлены и пропагандировали свое открытие на каждом шагу. Имя Хайяма стало модным, на Западе начался настоящий бум — только в Америке тиражи его изданий превысили тиражи всех поэтов.

Этому способствовала и аура тайны вокруг имени поэта — ведь при жизни он был известен только как великий астроном и математик, а о том, что он пишет стихи, никто не знал; ни одной, написанной лично им строчки, не сохранилось. Несколько четверостиший, авторство которых приписывалось Хайяму, впервые были обнародованы лишь через тридцать лет после его смерти. Через несколько лет открылось еще несколько. А через триста с небольшим лет в течение одного десятилетия были открыты рукописи с сотнями его рубаи!

До сих пор не обнаружено подлинных доказательств, что авторство всех пяти тысяч открытых на сегодняшний день рубаи принадлежит именно ему. Некоторые исследователи говорят, что доказано авторство только шести рубаи; другие настаивают на числе двенадцать; третьи утвержда-

ют, что Хайям точно написал 180 рубаи... А некоторые даже считают, что эти рубаи не могут иметь одного персонифицированного автора, что это все народное персидское творчество; такого мнения придерживался, например, знаменитый британский профессор-востоковед Лоренс Пол Элвелл-Саттон (позднее ставший одним из самых непримиримых оппонентов Идриса Шаха). Он писал: «Персидская поэзия, одна из самых богатых поэтических литератур мира, известна Западу в значительной степени благодаря личности автора, не написавшего за свою жизнь ни единого стиха».

Но Идрис видел красоту стихотворных строк, мистические глубины, намного более важные, чем простая бытовая мудрость.

*Откуда мы пришли ? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах! А где, скажите, дым?*

Изучение сокровищниц мировой философии, истории, права, латыни не отдалило Идриса от его духовных корней, напротив, его необъяснимо потянуло к истокам. Он вспомнил сказки Симлы и истории, слышанные от бродячих дервишей. И рука сама потянулась к бумаге. Идрис начинает писать свои суфийские истории, похожие на сказки, но пока показывает их только отцу, полагаясь на его авторитет публициста и писателя. И тот, пе-

релистав тонкую тетрадь, заполненную торопливым почерком, наползающим на края, внезапно для себя оказался в неведомом мире и неведомом времени, с людьми, которые не имели имен, а назывались просто «юноша», «ученик», «учитель», «женщина», «старец», «шейх». Он понял, что у Идриса несомненный талант рассказчика. А возможно, и более значительный талант — видеть окружающие жизненные ситуации духовным взором, отмечающим шелуху условностей и обнажающим реальность, как она есть.

Возможно, именно тогда Идрис наконец почувствовал, что надо возвращаться к корням, истокам религиозности своей семьи — для него истинная жизнь открывалась только в суфизме. Но как же найти Знание самостоятельно, ведь дойти до понимания истины в одиночку было невозможно?

И он поразил семью сообщением о том, что бросает университет. Существует версия, что Идрису во сне было сообщено, что ему надо отправиться в пустыню, а затем в горы и найти там людей, обладающих тайным знанием, которые посвятят его.

Отец довольно спокойно отнесся к заявлению Идриса о том, что тот не видит необходимости в дальнейшем академическом обучении, а хочет прежде всего найти свой собственный путь.

— Но на что ты собираешься жить? Кем ты будешь работать, если ты не сдашь выпускные экзамены? Ты серьезно обдумал свое решение?

Идрис после непродолжительного молчания ответил отцу, что пока он не определился с выбором того, что ему необходимо предпринять для выбора своего предназначения, не согласится ли отец принять его на работу в одно из своих торговых представительств. И отец дал ему свое согласие и благословение.

Идрис впервые расставался с семьей и отправлялся в одиночное плавание по реке жизни. Он в последний раз попрощался с просторными светлыми аудиториями своего колледжа Сент-Катрин и отправился в Уругвай.

Несмотря на его дар предвидения, вряд ли он мог предполагать, что хотя он и не закончил Оксфорд, но спустя несколько десятилетий этот университет, как и многие другие английские учебные заведения, включит написанные им книги в свои учебные планы для обязательного прочтения.

Мир в помощь суфию

Один из Мастеров Пути сидел во главе собрания, когда один ученик вышел вперед и сказал:

«С чем можно сравнить положение учителя в мире? Я имею в виду, какова его связь с тем, что происходит в мире, и насколько он зависим от происходящих событий?»

Учитель отвечал:

«Учитель живет в миру. Он живет в нем и работает за его пределами. Мир отвергает его и в то же время помогает ему, все из-за особой природы Мастера. Впрочем, об этом говорится в истории Юноши, Чей Секрет Нельзя Раскрывать».

Жил-был некогда юноша, который хотел служить человечеству. В отличие от многих таких же, он хотел делать это не потому, что был тщеславен; а это значило, что

его служение могло быть принято и он мог преуспеть в этом деле, так необходимом человечеству.

Однажды ему приснился сон, и во сне он был предупрежден, что если он отправится помогать кому-то, то он причинит людям еще больше вреда, так как они будут противостоять ему и сделаются еще более жестокими. Ему было сказано, что он должен скрывать ото всех свое желание до поры, но он может говорить, что у него есть секрет, который никому нельзя рассказывать.

Юноша начал с того, что рассказал своим родителям, что имеет секрет, который не может им рассказать, и вскоре так им надоел, что, когда он решил уйти из дома искать счастья, никто особо не возражал.

Он нанялся на работу в конюшню в городке неподалеку и успешно там работал, пока хозяин не услышал, что у парня есть секрет, который никто не должен знать. «Скажи мне, иначе будешь бит!»

Юноша отказался, и хозяин побил его палкой и бил до тех пор, пока проезжавший мимо купец не спас его и не взял к себе в слуги.

Они много путешествовали и наконец прибыли в столицу. Все было хорошо, пока юноша не обмолвился, что обладает секретом, который никто не должен знать до

времени. Купец, естественно, попытался выяснить, что за секрет скрывает юноша, и когда ему это не удалось, он вышвырнул нашего героя на улицу, подозревая его в безумии и неверности.

Случилось так, что в это время по улице проезжал премьер-министр той страны. Король был при смерти, и, по обычаю той страны, министр должен был ездить по улицам и искать нового короля по признакам, которые определяли мудрейшие.

Когда он проезжал мимо купеческого дома, он увидел, как юношу вышвыривают из дома, и услышал, как тот закричал: «Я все равно не открою свою тайну, пока не придет время!»

И это была та самая фраза, которая указывала на короля. Он привел юношу к постели умирающего короля, и тот спросил его, не согласен ли он принять корону. «Я согласен, ваше величество, — сказал юноша, — так как моя Тайна состоит в том, что я не смогу помогать людям до тех пор, пока не стану могущественным, как король!»

Идрис Шах. Искатели истины

Выбор не своего пути

Нам всем не следует забывать наставления великого мудреца Абу-ал-Хасана Кхиркани, записанные в Поминаниях Святых Аттара: «Все люди этого мира имеют определенную судьбу. Однако развитые духовно получают то, чего нет в их судьбе». И судьба Идриса подразумевала для него нечто большее, чем должность торгового представителя в Уругвае, чем работа в пыльной и прокуренной конторе вместе с двадцатью клерками, среди пыльных картонных папок с завязками, кипами валяющихся на столах и полках, поднимающихся до потолка высокой комнаты.

Сама страна ему очень понравилась. Он усовершенствовал здесь свой испанский и говорил на нем с изяществом, подучил португальский и легко находил общий язык с прогуливающимися под музыку на городской набережной жителями Монтевидео. Здесь были прекрасные антикварные лавки, полные самых невероятных вещей, возможно, именно здесь началось увлечение Идриса антиквариатом, продлившееся всю его жизнь.

А какой замечательный карнавал здесь проводился в феврале! С ним не сравнится даже бразильский: город на три дня погружался в праздничное безумие, заполняя улицы сияющими и переливающимися платформами с танцовщицами и музыкантами, сверканием фейерверков и гулом ярмарок.

Уругвайцы были добродушны и приветливы и почти прирастили его к чаю матэ (Mate Tea — напиток, изготавливаемый из сухих листьев вечнозеленого тропического дерева), употребление которого здесь является ежедневным ритуалом.

Правда, январская жара, поднимающаяся порой до 38 градусов, казалась утомительной, но дневной бриз с океана приносил облегчение.

Те, кто поклоняется форме

Если б мусульманин знал, что такое идол,
Он понял бы, что в идолопоклонстве
присутствует религия.

Если бы идолопоклонник знал, что такое
религия,

Он понял бы, где он сбился с пути.

Но он зрит в идоле лишь осязаемое тво-
рение.

Вот почему он, согласно исламу, язычник.

Идрис Шах. Путь суфиев

Но, как сказал уstad Халилуллах Халили, «когда верблюд ваших усилий увязает в грязи, не все ли равно — далеко или близко до цели?»

Идрис пока так и не нашел своего предназначения, а сбиться с пути иногда означает предать себя; но если тебе предначертано, судьба опять вернет тебя к тому, что предопределено, — даже через какой-то негативный опыт.

Вопрос: если Суфи, как вы говорите, не беспокоятся о вещах этого мира, то почему многие из них были заметными фигура-

ми в искусстве, литературе, науке и государственной деятельности?

Ответ: Суфи не заботятся вещами этого мира, когда эти вещи связаны с суетой и им придается жизненная важность. Но Суфи живут и работают в этом мире, а значит, с „вещами этого мира“.

Существует масса способов работать в мире и с миром, незаметным обычным людям, для тех, кто не чувствует причинно-следственных связей в отношениях людей, событий и вещей.

Примером может служить известная история о том, как Хидр учил Моисея, предпринимая странные, неочевидные и порой жестокие поступки, которые вели во благо.

Суфи так же должен быть защищен в миру своей проникательностью, «как верблюд в пустыне».

Вот история, которая многое показывает, взятая из «Лейлы и Маджнуна» Низами. Один король приблизил к себе юношу и весьма привязался к нему. Однако через некоторое время, несмотря на все уверения короля, юноша почувствовал, что король не доверяет ему, и завел привычку кормить королевских собак — злобную свору хищников.

И вот однажды король, разгневавшись, велел бросить юношу псам, но те, хорошо его зная, отказались причинять ему вред.

Идрис Шах. Искатели Истины

Около года прослужил Идрис секретарем торговой миссии своего отца, но каким-то образом оказался замешан в нечистоплотном скандале, связанном с качеством продаваемого ими халяльного мяса. (Халяль — продукты питания, соответствующие религиозным мусульманским канонам, традициям. Мясные продукты халяль не должны содержать свинины или ее компонентов, причем забой животных должен проводиться в соответствии с нормами ислама. Мусульманам запрещено употреблять в пищу свинину, кровь, мертвечину, мясо животных, умерших от удушения.

Джеймс Мур в книге «Псевдосуфизм: случай Идриса Шаха» пишет: «Что касается ортодоксального ислама, поведение Икбала (отца Идриса) из-за пресловутого халал-мясного скандала в Буэнос-Айресе в 1946 году вынудило британского посла... описать его как a swindler (мошенник, плут. — Прим. ред.)».)

Через год, в октябре 1946 года, Идрис возвращается в Англию. И с этого времени след Идриса Шаха теряется на целых десять лет, когда в середине 50-х он возник из небытия в качестве секретаря-компаньона директора Музея магии и колдовства на острове Мэн и начинающего писателя, готовящего к изданию свою первую книгу «Восточная магия», которую он опубликовал в 1956 году.

О десятилетиях своих странствий Идрис не говорит практически ничего, намеками давая понять, что его *Wanderjahre*, что в переводе с не-

мецкого означает «годы странствий», были полны очень рискованных и опасных поездок по Азии, требовавших от него проявления большого мужества и смелости, ведь он старался проникнуть в запретный для непосвященного мир великих суфийских шейхов.

У него оставались контакты отца, Идрис также знал некоторых последователей суфийского учителя, мистика и эзотерика Георгия Ивановича Гурджиева и с их помощью мог определить ориентиры для своих исканий. Он наконец-то нашел свой путь и сделал по нему первый шаг.

В суфизме невозможно начать «работу» с какой-то заранее определенной точки. Будущий ученик должен позволить учителю руководить собой так, как тот считает нужным.

Один юноша пришел к Насреддину и спросил у него, сколько времени потребуются для того, чтобы он стал суфием. Насреддин повел его с собой в деревню. «Прежде чем ответить на твой вопрос, я хочу, чтобы ты пошел со мной. Я хочу посетить учителя музыки, чтобы научиться играть на лютне».

Придя к учителю, Насреддин осведомился о плате. Тот сказал: «За первый месяц три серебряные монеты, а потом по одной серебряной монете в месяц».

«Отлично, — закричал мулла, — я заплачу через месяц!»

Идрис Шах. Тонкости Муллы Насреддина

Часть 3

Годы

безмолвия

ИЗО
Terra

После долгого путешествия родные сразу заметили в Идрисе резкую перемену. Его увлечение философией осталось в далеком прошлом, он сам говорил о том, что в философской отвлеченной мысли нет живой жизни, пульса реальности, действительного мира — он есть только в божественной истине, в глубоких тайнах суфийского учения.

Он перестал метаться в духовном поиске, он познал истинный путь и свое предназначение. И с этого пути ему уже не свернуть: «Я нашел путь и истину», — признался Идрис Шах отцу, с ним же он впервые поделился рассказами о своем обращении, о Традиции и ее хранителях.

Но впоследствии в интервью, в беседах с учениками Идрис Шах почти ничего не рассказывал об этом десятилетии безмолвия — с 1945 по 1955 год. Он лишь намекал, что эти годы были проведены им в суровых испытаниях, мучительных исканиях и далеких путешествиях в самые глухие уголки Средней и Центральной Азии и Южной Америки. Людям, занимающимся оккульт-

тизмом, подобная загадочность сразу напоминает подобные же «провалы» в биографии Елены Блаватской и Георгия Гурджиева. Что ж, вероятно, таков путь всех мистиков (ведь никто не будет отрицать, что суфизм — мистическое учение?). Истоки их мудрости и знания навсегда останутся покрытыми мраком тайны. Но в случае с Идрисом Шахом у нас все же есть некоторые зацепки, помогающие хотя бы отчасти предположить, где был и что повидал за эти годы Великий шейх суфиев.

Исчезновение

Идрис Шах, как и его отец, был человеком двух культур, впитав в себя духовные и культурные традиции как Востока, так и Запада. Изучение им суфизма в отдаленных уголках мира, постижение им самой сердцевины суфийской мудрости облегчало то обстоятельство, что его семья, по его же собственному утверждению, являлась носителем наиболее почтенной суфийской традиции. А его европейское образование и стиль мышления помогали ему адаптировать это учение для западного читателя, облегчив восприятие новой философской и религиозной доктрины.

Но из-за тайны, укрывающей от любопытных взглядов десятилетний период его жизни, многие его критики, в частности Мир Харвен, начавший очень яркую дискуссию в англоязычной Википедии, писали, что Идрис Шах не получал никакого тайного обучения суфийской традиции ни у одного шейха либо какого-либо суфийского ордена. И что его «экстравагантные утверждения» о получении тайного знания из рук носителей традиции не подтверждены никакими доказательствами.

С другой стороны, один из авторов высказал не менее невероятное предположение, что все эти годы Шах занимался не суфийской практикой, а был занят... поисками Некрономикона.

«Некрономикон» (Аль Азиф), или «Книга мертвых имен», — это семь томов, то есть более девяти сот страниц, самых могущественных заклинаний. Говорят, что книгу, дающую непостижимую власть над людьми и над всем миром, жаждали получить самые могущественные владыки и ученые, маги и воины. Но книга выбирала себе хозяев, только следуя своей загадочной воле. Существуют предания, что с ее помощью можно вызвать мертвых и открыть двери ада. Написал этот устрашающий текст поэт Абдул Альхазред из Йемена.

В поисках силы он жил в развалинах Вавилона и пещерах Мемфиса и десять лет скитался по арабской пустыне Руб аль Кхалии, про которую в народе ходили легенды, что это обиталище злых духов. Сам Альхазред писал в предисловии к своей книге, что отыскал в пустыне мертвый город Ирем, в котором жила раса существ еще до появления людей, и нашел в руинах их книги. В этом городе есть двери, ведущие в Пустоту (или другую реальность), которую населяют невиданные существа — джины. Опытный маг, войдя в Пустоту, может «взять» с собой в нашу реальность несколько джинов и заставить их служить себе, если достаточно силен.

Если герой обладал нечеловеческими способностями, значит, он выходил на контакт с джинами и подчинил их себе; такого человека называли маджнун (одержимый, безумный). Автора книги, Альхазреда, тоже считали безумным.

В X веке книгу перевели на греческий, в XIII веке — на латинский, в XVI веке на английский ее перевел доктор Джон Ди — алхимик, маг и фаворит английской королевы Елизаветы.

Считается, что начиная с XVII века, несмотря на попытки представителей всех основных традиционных религий уничтожить книгу, в мире всегда остается одно и то же количество ее переписанных от руки копий — 96. Правда, открывают магические тайны всего семь из них — остальные копии намеренно переписаны с ошибками.

По версии одного автора, Идрис Шах пытался отыскать «Некрономикон» в библиотеке Деобунда в Индии, Аль-Азхара в Египте, совершил путешествие в священный город Мекку, чтобы отыскать рукопись в ее библиотеке, но его попытки не увенчались успехом.

Вторая версия больше похожа на волшебную сказку или, скорее, триллер, так что нам остается придерживаться очевидных фактов.

Эти десять лет покрыты пеленой непроницаемой тайны, которую нам поможет приоткрыть лишь некоторое допущение.

Тайна псевдонима

Ни для кого не секрет, и сам Идрис Шах неоднократно говорил об этом в «Размышлениях», уточняя детали, что он использовал несколько псевдонимов для своих работ, исключительно в целях обучения, чтобы не подавлять своим несомненным авторитетом читателей и своих учеников. Ведь к высказываниям людей, которые для нас не являются неоспоримым авторитетом, мы относимся гораздо более критично.

Относительно таких авторов, как Омар Майкл Берк, Аркон Дарол, Рафаэль Лефорт, Башир Хадрат Дервиш, часто высказывались сомнения в их реальном физическом существовании. Этих авторов относили к так называемой «школе Шаха», потому что стилистически и структурно они очень напоминали книги самого Идриса.

Перу Шаха, с различной долей достоверности, приписывают следующие труды:

Джек Брейкелин. Джеральд Гарднер: колдун (1960);

Эдуард Шателеро. Вы и ваши звезды (1960);
Аркон Дарол. Тайные общества: история (1961);
Аркон Дарол. Ведьмы и волшебники (1962);
Питер Майкл Кинг. Афганистан: арена борьбы
в древней Азии (1966);

Рафаэль Лефорт. Учителя Гурджиева (1966)
(другое предположение об авторстве этой книги
касается брата Идриса, Омара Али Шаха);

Майкл Берк. Дервиши, Суфии и Факиры, живя
среди них (1973);

Башир Хадрат Дервиш. Среди дервишей: не-
сколько путешествий в Азии и Африке и четыре
года обучения с суфийским мастером (1982);

Луи Палмер. Приключения в Афганистане
(1990).

Однозначно утверждать, что авторство этих
книг принадлежит Идрису Шаху, мы, разумеет-
ся, не можем, хотя он и сам признавал себя мас-
тером мистификации. Но эта версия имеет доста-
точно широкое распространение, так что просто
игнорировать ее было бы нелепо.

Две книги проливают свет на то, как прошли
годы исканий нашего героя: это книга Омара
Майкла Берка «Дервиши, Суфии и Факиры, жи-
вя среди них», в русском переводе — «Среди
дервишей», и книга Рафаэля Лефорта «Учителя
Гурджиева». Очень живые по стилю, наполненные
невероятными приключениями и суфийской муд-
ростью, эти книги открывают перед нашим взором

все этапы непростого пути от ученика к учителю, от незнания и сомнений — к мудрости, к постижению реальности. Как точно сказано в книге «Учителя Гурджиева»: «Моей целью было найти истинный источник эволюционной, гармонической, естественной деятельности».

Здесь следует немного рассказать о такой колоритной и загадочной фигуре, как Георгий Гурджиев (1877–1949). Его называли мистиком и пророком, носителем древнего знания. В сорок лет он вдруг возник «ниоткуда» в Москве и почти сразу обрел преданных учеников, в числе которых оказался и Петр Успенский, знаменитый русский писатель и мистик.

В биографии Гурджиева было множество пробелов, и он сам старался еще больше запутать любопытных журналистов, перемешивая легенды и анекдоты с реальными фактами.

Известно, что его отец был греком, собирателем и исполнителем древнего эпоса, а мать армянкой. Повзрослев, Георгий много путешествовал в поисках тайного знания — был на Афоне, в Тибете, Монголии, в суфийских школах Туркистана и Персии и впоследствии назвал свое учение — сплав буддизма, йоги, суфизма и других, более тайных традиций — «эзотерическим христианством». Путешествовал он с друзьями, которых называл «искателями истины»; по словам Гурджиева, собравшись после всех испытаний и многолетних поисков, они «сложили вместе все, что... нашли».

Гурджиев, по словам современников, быстро угадывал то, что действительно интересовало собеседника, отмечая внешнюю позу, и, главное, всегда знал эту тему лучше своего визави и имел большой опыт в этой области.

Гурджиев считал, что люди проводят жизнь во сне, сотканном из внешних внушений, и предлагал своим ученикам метод самовоспоминания, ведущий к «пробуждению ото сна», назвав его Четвертый Путь (первые три пути были: путь монаха, путь факира, путь йога). Глобальное изменение мировоззрения его ученика (не методом заучивания, а методом переживания, постижения) должно было приводить к полному обновлению жизни.

Гурджиев был очень популярен в двух российских столицах, но после революции был вынужден уехать на Кавказ, куда за ним приехали самые преданные ученики. Оттуда, преследуемый пожаром революции, он направился в Турцию, затем в Германию, Англию и остановился во Франции, купив на деньги, полученные от учеников Успенского, обосновавшегося в Англии, замок Приэре в Авоне близ Фонтенбло, открыв свой «Институт гармонического развития человека». Часть учеников Успенского переехала за ним. Занятия учеников длилось весь день, и они редко когда спали больше четырех часов в сутки, — по мнению Георгия Ивановича, только глубокий сон, в который человек проваливается после физиче-

ской работы, полезен. Были случаи, когда люди сходили с ума или уезжали, бросив обучение.

Гурджиев старался популяризировать свое учение, показывая на Елисейских полях выступления учеников со священными танцами и движениями и приглашая на эти сеансы для привлечения публики фокусников. Эта тактика оттолкнула от него Успенского, который объявил о разрыве с Гурджиевым своим ученикам: «Мистер Гурджиев — человек экстраординарный, и его возможности превышают таковые каждого из нас. Но и он может ошибаться. Он сейчас переживает кризис, последствия которого невозможно предвидеть... Он может сойти с ума или навлечет на себя несчастье, в котором пострадают все окружающие».

Вскоре Гурджиев попал в аварию; оправившись, он распустил учеников, продал замок и переселился в Париж, занявшись писательской деятельностью.

Говорят, что его предсмертными словами, обращенными к ученикам, были: «В хорошенькой же неразберихе я вас оставляю...»

...Идрис отлично знал персидский и турецкий языки и вспомнил, что в книгах Гурджиева ему часто встречалось словосочетание «ас шарк», которое его ученики воспринимали как название мистического континента. Он также знал о том, что Гурджиев, рассказывая о своих путешествиях, часто говорил о Ближнем Востоке, а ведь «ас шарк» на арабском и значит «восток». Только ку-

да следует ехать — в Афганистан, Индию или Тибет?

Так как Шах представлял себя как суфийский учитель, муршид, давайте немного коснемся того, что подразумевается в суфийской традиции под этим понятием.

Как писал еще один великий суфийский мастер Хаздрат Инайят Хан: «Муршид — это тот, кто внутренне покорен слову Бога, кто достиг просветления и поддерживает единение с Богом».

В суфийской традиции говорится о двух видах учителей-муршидов.

Один черпает мистическое вдохновение в одиночестве, в чаще джунглей или безлюдье пустыни, и после того, как ему откроется вся полнота осознания, этот отшельник выходит к людям, чтобы нести им свет полученного им послания. Этот муршид будет ждать, когда судьба пошлет ему мюрида или талиба, того, кто уже готов к восприятию его учения. И для этого не обязательно получать образование в университете или другом учебном заведении, ведь многие великие учителя владели только чтением и письмом, в остальном же были безграмотны и занимались самым простым ремеслом — чеканкой, ткачеством, каллиграфией...

Один из самых великих поэтов-суфиев, писавший стихи на грубом народном наречии и зарабатывавший на жизнь ткачеством, до сих пор является образцом великого суфийского учителя, зовут его Кабир.

Муршиды такого типа постепенно, ученика за учеником, собирают вокруг себя тех, кто может пассивно воспринять учение и мудрость, кто способен на это. Ведь некоторые люди, ищущие истины, не могут, просто не способны доверить или тем более отдать свою индивидуальность кому-то другому, даже если это их духовный учитель.

С другой стороны, настоящий суфий должен понимать, что нет никого «другого» — ведь в истинном бытии все и все едино, слито и неразрывно, вытекает одно из другого и порождается одно другим. Когда человек переступает первую ступень невежества, он понимает, точнее, начинает осознавать, что нет понятий «я», или «ты», или «они», а есть неразрывное, нерасчленимое единство реальности. Об этом говорится в священных книгах всех религий.

Вероучение любви

К дверям возлюбленного подошел человек и постучал.

Его спросили:

— Кто там?

Он ответил:

— Это я.

Ему сказали:

— Здесь нет места для Меня и Тебя.

Дверь осталась запертой.

После года уединения и лишений этот человек вернулся и постучал снова.

Его спросили:

— Кто там?

Человек сказал:

— Это Ты.

Дверь открылась перед ним.

Джалалуддин Руми

Кто понимает это, начинает осознавать, что учитель и ученик составляют одно целое, поэто-

му, доверяя ему свое «я», ученик доверяет его и самому себе.

Второй тип учителей составляют те, кто принадлежит к определенным школам с древними и прочными традициями и шейхами-основателями: Накшибанди, Чишти и другие — эти тарикаты всем известны. Эти учителя, халифы (направленное на достижение той же самой цели, той же самой истины, что и у первого типа учителей), наблюдают за своими учениками, внимательно изучая их привычки, склонности, слабости, характер, манеры, и применяют для обучения этих людей адаптированные к их личности методы и особые упражнения. Если этих учителей посылают в другую страну, то они должны адаптировать свое учение к верованиям и национальным привычкам людей той или иной национальности, которая поступает под их опеку.

Традиция — основа, но методы, которые применяются для достижения истины, лишь внешняя оболочка, как плащ или куртка, которые подбирают в зависимости от погоды.

То, что написано в старых книгах, не душа традиции, а лишь ее внешняя оболочка.

Для того чтобы стать муршидом, надо было пройти стадию ученичества, а сколько она продолжится (месяцы, годы или десятилетия), зависело от самого ученика. Церемония посвящения учеников, мюридов, в члены какого-либо тариката называется адх. Естественно, церемония в раз-

личных общинах проходила по-разному, но, например, в египетских тарикатах она включала в себя декламацию Корана, обязательное покаяться в своих грехах и принятие обета перед лицом главы братства или не менее высокопоставленного лица.

Иногда для вступления в братство было достаточно лишь произнести байа (присягу верности) шейху и взять на себя обязанность читать аурад (ежедневные молитвы).

А вот как описывает процесс инициации (речь идет о подаче руки иницирующим иницируемому, обозначающей момент передачи духовного наследия) другой суфийский мастер, хвадж Ахар. Его посвящал суфийский мастер Йакуб, который перед началом церемонии поведал всем о том, что его посвящал в тарикат сам Бахгаутдин Накшибанди.

Затем он вытянул вперед свою левую руку, что должно было означать начало инициации и присяги Ахара. Но тот испугался, точнее, почувствовал обыкновенную человеческую брезгливость, потому что на лбу учителя белело неприятное шелушащееся пятно, как будто какое-то кожное заболевание. Разумеется, такой знаток психологии, как Йакуб, уловил взгляд ученика и сразу понял причину его промедления. Отдернув руку, он лишь слегка повел бровью, но Ахар

уже готов был пасть ниц и распластаться в пыли у ног великого учителя. Но Йакуб тут же принял обычный вид, снова протянул руку и сказал посвящаемому, что, когда его посвящал Бахгаутдин, он, взяв его руку, сказал: «Моя рука — это твоя рука, и будет так вовеки» и «Кто возьмет твою руку, возьмет и мою». «Так что если берешь мою руку — Йакуб протянул ее, — берешь ты руку Бахгаутдина». Ахар схватил руку и прижал ее к губам. После этого ему был объяснен зикр пути.

Разумеется, каждый ученик, идущий по пути, вбирает в себя и разрабатывает в методах все то общее и частное, что способно приблизить его к достижению божественного избрания. В классическом суфизме это неукоснительное исполнение законов мусульманской религии (шариат); послушничество в роли мюрида при истинном суфийском шейхе; познание Бога не умом, а сердцем (марифат); постижение истины (хакикат).

Путь любого суфийского ученика, как мы уже говорили, разделяется на стоянки или ступени, которые надо проходить последовательно и которые завоевываются личными усилиями по преодолению мирских пут души. Во время стоянок ученик соблюдает определенные требования, правила поведения и образ жизни, отказываясь от чего-то. Например, если мюрид был богачом, то на стоян-

ке нищеты (факир или факр) он должен будет отказаться от всего имущества и довольствоваться в жизни минимумом, вплоть до того, что будет просить подавание, надеясь на милость Бога. Стоянка нищеты, о которой мы упомянули, приписывалась Пророку; он как-то сказал: «Моя нищета — моя гордость».

Есть предание и о том, что, когда Накшибанди решил принять Ала ад-Дина в семью как своего приемного сына и увел его из медресе, Великий шейх дал ему наказ разуться и ходить босиком по рынкам и улицам Бухары, подняв на голову корзину яблок для продажи, и во весь голос предлагать их народу. Ала ад-Дин с радостью последовал совету учителя. Но братьям Ала ад-Дина было очень стыдно за такое поведение брата, и, прослышав об этом, шейх Накшибанди велел Ала ад-Дину торговать яблоками, громко выкрикивая цену, прямо напротив магазина его братьев. Его приемный сын не колеблясь выполнил это указание, после чего, как гласит традиция, Накшибанди «сообщил ему путь и занялся его духовным воспитанием».

В духовной работе суфиев полярно окрашенные эмоции должны воздействовать на личность одновременно: например, страх перед Богом (хавф) должен сочетаться с безусловной надеждой на Него (раджа); внутреннее сжатие (кабд) противопоставляется расширению (баст)... Противоположные, но на самом деле взаимодополняющие друг друга эмо-

ции расшатывают духовное равновесие суфия и, пережитые и прочувствованные до конца, отбрасываются им. После переработки всех чувственных переживаний суфий отбрасывает их и обретает фана (исчезновение, растворение индивидуального бытия в Боге), наполняясь божественной любовью и божественным пониманием реальности.

Но вернемся к таинственным приключениям, которые, как мы предполагаем, довелось пережить Идрису, на ощупь и в темноте неизвестности повторим путь, пройденный Шахом.

...Отправившись в свое путешествие налегке, взяв только самое необходимое, Идрис даже не предполагал, сколько открытий его ждет за гранью обычного западного восприятия мира.

Первое, что его поразило в пути, — это то, что муршид, суфийский учитель, не обязательно должен был сидеть в монастыре в глуши или пустыне или быть глубоко законспирированной фигурой, преподающей суфизм так, как читают в западных университетах лекции. Нет, большинство суфийских учителей жили в миру и занимались самыми тяжелыми и простыми ремеслами. Один был рыбаком, второй — плотником, третий — ткачом, четвертый — механиком. Они работали год за годом и ждали, когда к ним направят ученика, и все они в той или иной степени как будто добавляли недостающие кусочки мозаики в общую картину, постепенно открывая перед ним подлинную картину суфийской работы.

В Сомали Идрису не могло повезти — там сложное отношение к суфизму, поэтому учителя работают очень скрытно. Он провел несколько недель без малейшего результата, расспрашивая всех вокруг об учителях, пока один торговец рыбой не шепнул тихо, что ему следует поискать удачи не здесь, а в Турции, вблизи мавзолея поэта Руми.

Идрис опять бродил по незнакомому городу день за днем, расспрашивая в Кенье всех и каждого, пока однажды к нему в гостиницу не принесли записочку, в которой его спрашивали, не заинтересуется ли он красивыми коврами в караван-сараях у мастера Али.

Идрис решил, что это знак судьбы, и не спеша отправился туда по пыльным горячим улицам. Подойдя к одному из ткачей, он спросил, где ему найти учителя, и тот послал его к мастеру Али, предупредив, что он редко берет к себе учеников, так как стал стар и хочет учить только тех, кто достоин этого.

Идрис подошел к невысокому пожилому человеку, вежливо поприветствовал его и спросил, может ли угостить его чашкой кофе. Ему приветливо кивнули и предложили сесть.

— Я не буду вашим учителем, — сказал Али. — Я беру учеников, которых посылает ко мне община, и я разочарую вас — я не учу их тайному знанию, я учу их ткать ковры. Да, всего лишь ткать ковры. Подбирать цвета, составлять узоры кропотливо, день за днем, помногу часов в день со-

гнувшись над станком. Зачем это надо тем ученикам, которых посылают ко мне, меня не касается. Я учу своему ремеслу, не больше. Это глава общины, шейх, решает, что нужно ученику, и какой учитель ему требуется на данном этапе, и чему ему следует научиться. Я даже не знаю, на каком макам он находится (макам — стадия мистического пути. — *Прим. ред.*). Это не мое дело. Мое дело — учить ткать ковры. Они научатся ремеслу, а потом пойдут дальше, по неизвестному мне пути.

А направить, как вы просите, вас к главе ордена я не могу, я не знаю, где они находятся сейчас, ведь орден живет в одном месте, потом, выполнив работу, перебирается в другое. Живут на юге, потом перебираются на север, потом вообще переезжают в другую страну. Часть учеников берут с собой, а часть отправляют учиться у таких мастеров, как я, или в другие ордена. Последний раз они связывались со мной из Кении, но там ли они сейчас, ведает лишь Аллах.

На прощание Али подарил Идрису красивый цветной пояс в национальном стиле и сказал, что этот подарок нельзя снимать месяц, иначе сила вещи пропадет впустую.

«Что за сказки, — думал Идрис, — вот уже волшебными поясами меня одаривают, скоро тупфли-скороходы куплю...» Но снимать пояс не стал и правильно сделал, ведь тот оказался своеобразным паролем для людей, которых Шах встретил в Кении, но там лишь дали направление его даль-

нейшим поискам, направив к гробнице одного великого суфия.

Посетив гробницу, Идрис день за днем ходил вокруг нее, иногда подсмеиваясь над собой и бесплодностью своих поисков, но чаще исполняясь решимости добиться истины, чего бы это ему ни стоило.

Волшебные минареты, массивные ворота, яркость красок мозаики и прохлада маленьких двориков — и опять Идрис отсчитывает шаги вокруг гробницы учителя учителей.

Глаз его уже несколько раз останавливался на лавочке чеканщика, привлекавшей взгляд яркими бликами меди от посуды, выставленной в витрине, и приходила мысль, что надо зайти и посмотреть работы ремесленника, и на этот раз он наконец решился.

Хозяин лавки Казим кинул быстрый взгляд на расписной пояс Идриса и поприветствовал его.

— Не ты ли ищешь учителей-суфиев? Твоя настойчивость достойна похвалы, но твоей подготовки еще недостаточно, чтобы воспринимать знание. А сам я учу мюридов только своему ремеслу, которое принесит мне копейки, мы вместе слушаем уличных певцов и обсуждаем стихи учителя Хайяма — это все. Сейчас у меня нет учеников, но и ты не будешь моим учеником, твой путь — дальше.

В недоумении, где же находятся учителя, преподающие сокровенное знание, Идрис отправил-

ся дальше, получив от чеканщика Казима только одну фразу из Пророка, которую тут же при нем заучил наизусть.

Эту фразу нужно было сказать тому наставнику, которого он встретит на своем пути дальше. А так как угадать, где его встретишь и чем он будет заниматься, было почти невозможно, Идрис говорил эту фразу практически всем, кого встречал на своем пути. Хорошо, что это была фраза из Пророка, а не какая-нибудь абракадабра, от которой шарахаются нормальные люди...

На этот раз ему встретился не учитель, а ученик Абдулькадир, уже посвященный и намного дальше, чем Идрис, продвинувшийся на пути к истине. Он рассказывал путешественнику о том, как проходило его собственное обучение. Да, он, как и большинство других, учился ремеслу.

— Если ты не можешь себя прокормить, то как ты будешь жить в этом мире, как ты будешь доносить учение и заботиться о мире, не умея позаботиться о себе? Да, я учился гончарному делу, — рассказывал Абдулькадир. — Вставал в шесть, умывался, завтракал и вместе с другими учениками принимался за работу — я делал только грубые большие кувшины, но почти не переделывал заготовки. Потом, после обжига, я учился расписывать их яркими красками — чтобы сделать свой первый уверенный мазок, требуется очень много времени. Потом следил за повторным обжигом.

А учитель делал тонкие изящные вещи и одновременно работал над нами.

Но учеба начиналась только вечером, после работы и ужина. Мы слушали притчи учителя о суфиях и суфизме, он рассказывал нам о том, откуда произошло наше учение, чем тарикаты отличаются друг от друга, о непрерывной цепи, через которую передается учение от учителя к ученику. Он многое пояснял, всегда отвечая на наши вопросы, но он также учил нас задавать вопросы — ведь от того, насколько правильно ты сформулируешь вопрос, зависит то, насколько полный и точный ты получишь ответ. Наш учитель был терпелив, но требователен и всегда поправлял нас в наших ошибках, не допуская ни малейшей поблажки, не прощая даже самого маленького пренебрежения, допущенного нами в работе или учебе. Мы очень боялись его критики и неодобрения, так как он всегда подбирал такие слова, что хотелось провалиться сквозь землю. Но он был справедливым.

По тонкой ниточке намеков и недомолвок, переходя от одного маячка к другому, наш искатель шел очень медленно. Лишь много позже он понял, что в простых беседах с учениками его прощупывали, строя разговор таким образом, чтобы уяснить, посвященный он или нет. Паролем могла быть условная фраза или цитата суфийского мастера — все те знания, которыми Идрис пока не обладал. Он искал шейха, но чтобы

заслужить эту встречу, ему нужно было быть суфием или хотя бы понимать, о чем идет речь, ведь в беседу незаметно вплетали цитаты, которых посвященный не мог не знать. А Идрис в ответ на один и тот же вопрос нового спутника — «Что же Абдулькадир передал мне?» — пересказывал все, что он успел запомнить из их беседы. Но там не доставало самого главного...

Но он был настойчив, как крот, роющий нору, и, казалось бы, такая настойчивость должна быть рано или поздно вознаграждена, но иногда наш искатель натыкался на отповеди, подобные той, что прозвучала из уст шейха Давида, с которым он встретился благодаря цепи почти невероятных случайностей. Красивый старец с белоснежной бородой, спускавшейся почти до колен, сурово нахмурился:

— Вы учились в университете, но вас так и не научили главному — умению задавать вопросы. О, мой, юный друг, это целая наука, о которой можно было бы написать тома ваших западных книг. Не на всякий вопрос может быть найден ответ; если вы думаете, что кто-то из смертных может знать ответы на все вопросы, то вы просто дурак. Иногда в вопросе уже содержится ответ или часть ответа, но тогда какой смысл в том, что ответ будет получен? И какой ценностью он будет обладать?

Вы считаете, что можете понять ответы, которые вам даст суфий-мастер? Всего лишь потому,

что вы учились в университете и думаете, что у вас есть право задать мне вопрос? Ваш интеллект — ноль. Вы не можете его использовать ни для чего, что действительно нужно человеку. Вы можете его использовать, чтобы сделать кувшин или сделать чеканку? Вы можете подобрать траву и сварить отвар, который вылечит вас от болезни? Вы можете сочинить стихотворение, которое понравилось бы простым людям на этой площади? Нет? Тогда зачем вам те знания, которые вы получили? Знание полезно лишь тогда, когда вы можете применить его в своей жизни, иначе оно не просто бессмысленно, но и вредно, так как забивает ваш ум мусором, под которым вы хороните истинную реальность...

Шейх Давид открыл ему и более глубокое знание, рассказав о науке правильного дыхания.

Оказывается, эта техника применяется во многих тарикатах. И научиться дышать правильно совсем не глупая прихоть и не легкое упражнение. Совершенствованию этой техники некоторые ученики посвящают годы и десятилетия. Ведь глубокое ритмичное дыхание приносит не только кислород в самые отдаленные участки легких, но и бараку в самые потаенные уголки организма. А повседневное дыхание, которым инстинктивно пользуется большинство людей, — это лишь некачественное снабжение клеток кислородом.

Постановка дыхания похожа на постановку умения правильно мыслить. Обычные люди стара-

ются с помощью случайных и беспорядочных мыслей управлять сознанием или использовать гимнастику, чтобы насытить ткани организма кислородом, но им недоступно знание о том, с какой интенсивностью, в какой дозировке и в каком ритме это следует делать, чтобы по-настоящему дышать и по-настоящему контролировать сознание.

В тайной сфере суфизма применяется дыхание, передаваемое от учителя к ученику; дыханием в ухо, в глаза или в рот можно вылечить заболевшего человека и уберечь новорожденного ребенка от родового проклятия. И дело тут не столько в магии или мистике, хотя суфизм и называют магической ветвью ислама, сколько в знании и умении применять определенные техники, передаваемые по цепи из поколения в поколение.

Шейх Давид также сказал, что просветление не достается, как выигрыш в лотерею, а зарабатывается тяжелым и многолетним духовным трудом и жесткой дисциплиной.

Идрис ушел опечаленный, но от своего намерения не отступил: он решил стать суфием и хотел добиться этого, невзирая на трудности и годы безвестности... Он отправился в Иерусалим, на Святую землю, впитавшую в себя соль нескольких мировых религий.

Так и представляешь, как Идрис Шах бродил узкими улочками старого Иерусалима, вдоль старых каменных стен и сторожевых башен, где жили и учили величайшие духовные лидеры миро-

вой истории. Как медитировал под пение чтецов Корана в публичном саду возле башни, построенной в форме восьмиугольника, башни Скалы, на которую, говорят, приземлился Мухаммед, перед тем как отправиться в рай.

Может быть, именно там ему пришла идея организации своего издательства, которое он назовет «Октагон», что в переводе означает «восьмиугольник».

Он не сдавался, он по-прежнему был уверен в избранной цели: ему нужна была суфийская мудрость, он хотел приникнуть к мистическому источнику знаний, за сколько бы километров от него тот ни находился. Пусть даже на другой планете...

Учение у великих

«Самих себя они обычно называют „друзьями“ или людьми, „подобными нам“, и узнают друг друга по некоторым природным способностям, привычкам и категориям мышления», — писал Роберт Грейвс во вступительной статье к книге Шаха «Суфизм».

Афганистан, Хайберское ущелье, пустыня Сахара и святой город Мекка; Турция, Индия, Непал, Тибет, Кувейт — путь за знанием никогда не бывает коротким и легким. На этой стезе Идрису пришлось столкнуться с контрабандистами и фанатиками, с разбойниками и шейхами. Одного из них, шейха Тахира, он встретил в обыкновенной придорожной таверне, следуя за сокровенным знанием к горным вершинам Непала.

Исподволь наблюдая за молчаливым незнакомцем в свободном белом халате, который спокойно поправлял угольки в кальяне, Шах вдруг почувствовал, что засыпает, а когда очнулся, тот уже сидел за его столиком и потягивал свой зеленый чай, спокойно отщипывая кусочки от сладостей,

которые заказал себе Идрис. Он повторял, словно про себя, строчки из Руми, которые Шаху были хорошо знакомы, и поэтому он смог закончить строфу, начатую таинственным незнакомцем.

Кроме них в таверне сидело несколько древних старцев, казалось, замерших на века, и несколько индийцев.

— Я знаю твой путь, — прервал неловкое молчание Тахир. — Но тебе нужно не в Непал, ты ошибся, твой путь лежит в Афганистан, я уверен в этом. А твое желание попасть в святую Мекку пока не будет осуществлено. Да, у тебя черные волосы и карие глаза, ты мусульманин по воспитанию и отец твой был мусульманином, но ты еще слишком западный человек, чтобы тебе сейчас была польза от посещения Святого города. Некоторые паломники мечтают об этом всю жизнь, откладывая монету за монетой из своих скудных доходов. Это путешествие нужно выстрадать. Суфизм — это ислам, но больше, чем ислам, потому что суфизм — это сущность всех религий. Чтобы постичь его, нужно найти правильных людей, которые помогут тебе. Так что отправляйся пока в Афганистан.

Несмотря на невероятность этого знакомства, Идрис поверил в то, что встреча была предначертана свыше, и, на время отложив попытку попасть в Мекку, действительно стал готовиться к путешествию через почти не исследованные западными путешественниками, а для него такие родные области Центральной Азии, через горный хребет его рода Хабер, в страну, где он не был с детства.

А его новый знакомый, шейх Тахир, предложил себя в спутники, на что Идрис с радостью согласился.

Его поразило то, сколько суфиев живет в миру, не выделяясь из пестрой восточной толпы ничем, а может быть, только тем, что, как у членов одного ордена, у них есть свои опознавательные знаки, по которым они отличают друг друга. Это, например, символ восьмиугольника, который он заметил на пряжке ремня своего нового попутчика, или слово, которым отвечали на его приветствие другие суфии, — «барака».

На разбитом грузовике, ломавшемся чаще, чем ехал, принадлежавшем разбойнику-контрабандисту, они вместе с тюками товаров ехали по выжженной горной земле, сменяемой плодородными долинами. Поменяв водителя, они отправились через афганские ущелья к обители суфиев.

Это была тропинка в горном ущелье, ничем не примечательная, кроме того что она пропадала в темном туннеле, который освещали несколько ламп. Но потом она снова вырвалась на поверхность земли, и путники брели уже в лунном свете, почти ощупью находя дорогу.

Затем им пришлось протискиваться через узкий проход, в котором человек более крупный наверняка бы застрял; перебираться через неглубокое озеро по еле видимым камням, которые видел только Тахир; ответить на раздавшийся из темноты крик правильным паролем; перебираться через

шаткий мостик над пропастью, глубины которой Идрис не видел... И вот они попали в ярко освещенный зал, который предварял вход в обитель.

Идрис не мог сказать это точно, но ему казалось, что вся община жила внутри скалы, так что совершить на них нападение было просто невозможно. В жилище было несколько дополнительных выходов, но найти их несведущему человеку было очень сложно, да и кто ради прихоти будет забираться так высоко в горы? Человек здесь был виден издалека, как ярко-красный мак среди поля ромашек.

Помещения освещались яркими лампами с вязью незнакомых Идрису символов, которыми были украшены и двери обители. На больших каменных столах лежали священные книги, а вдоль стен в медитации сидели жители обители. Все это напоминало ожившую сказку из «Тысячи и одной ночи», и Идрис почувствовал, что очень близок к тому, что искал.

Во время первой же вечерней трапезы, более изысканной, так как встречали гостей, искатель истины, выбрав удобный момент, спросил о том, как организован орден суфиев. Вытерев рот, шейх этой обители сказал, что все суфии связаны бараккой, как пуповиной, которая идет от одного ко всем. Службы, которые проводят в общине в одно и то же время, как бы заряжают всех остальных суфиев благотворной энергией.

Миру открывается только муршид, а все, кто выше в тайной духовной иерархии, скрыты от глаз

мира. Прямые потомки Мухаммада могут получить высокую ступень посвящения по наследству.

Тех, кто занимается развлечением публики (дервиши, которые просят милостыню и творят чудеса; факиры, поражающие публику прогулкой по раскаленным углям или тем, что они делают со своим телом; те, кто исполняет публичные кружения дервишей), гораздо меньше, чем суфиев, выполняющих свою работу в миру незаметно для других. Хотя и суфий в свое время должен выполнять подобные практики или особые ритуалы.

Идрис наблюдал за упражнениями дервишей и выполнял их сам. Например, одно из них было таким: в любое время дня, когда все суфии заняты своими обычными делами, появлялся Учитель и неожиданно кричал: «Стоп!» — и все замирали, как в детской игре «Море волнуется раз...», и стояли так любое время, пока муршид не произносил: «Конец!» Во время покоя суфии успешно медитировали, объясняя такое упражнение тем, что, пока суфий пребывает в переходном состоянии от одного действия к другому, он способен освободиться от стандартов обычного мыслительного процесса.

Каждый день в течение часа и всю ночь одного из дней недели, по выбору шейха, проводился зикр — серия повторяющихся движений и молитв, медитаций и слушания. По пятницам вся община концентрировалась, стараясь общими усилиями улучшить телепатические способности каждого из ее членов.

Учитель объяснял искателю истины, что, прежде чем стать суфием, человек начинает испытывать непреодолимую тягу к суфиям, их литературе, ко всему, что с ними связано: это как внутренний призыв, который невозможно игнорировать, это то, что заложено в природе определенных людей. Человек ищет свой путь, и когда приходит время, у каждого, кто готов воспринять знание, появляется шанс его получить. Воспользуется ли он им или нет, это другой вопрос.

Обо всех духовных практиках, которые изучал Идрис, мы не можем знать, но ему неоднократно доводилось наблюдать зикр, танец дервишей, кружение, путем которого достигается мистическое состояние хал.

Дервиши собрались в большом зале, одетые в особые одежды и высокие шапки, в которых ходят персидские суфии.

Идрис не мог проследить закономерности, в соответствии с которой они встали, но шейх несколько раз приказывал то одному, то другому сместиться чуть в сторону.

Сам шейх стал около стены, рядом с музыкантами, барабанщиком и тем, кто отбивал ритм.

Сначала шейх прочитал молитву, призывая на всех, кто там находился, бараку всех учителей прошлого и будущего, затем направил бараку, которую получают от этого танца, в помощь учителям, которые сейчас передают свою мудрость, а потом дал разрешение начинать зикр.

Сначала один суфий начал отсчитывать ритм, затем вступил барабан, и двое суфиев очень тонкими голосами запели слова незнакомой Шаху молитвы. Дервиши начали вращаться, сначала очень медленно, словно нехотя, грациозно. Одна рука у них при этом была приподнята к небу, а вторую они чуть опускали к земле. Постепенно кружение ускорялось, почти незаметно для глаза, а сами танцующие начали передвигаться, словно следуя в кружении друг за другом.

Шейх крикнул одно из имен Аллаха, и дервиши стали выкрикивать его тоже, одновременно, ритмично, соизмеряя выкрик с ритмом своего танца.

Постепенно лица танцующих приобретали все более и более отрешенное выражение, скорость их движения казалась почти невозможной. Но вот к одному из них подбежал помощник и повел его вон из круга танцующих, чтобы аккуратно уложить на пол. Постепенно суфии, один за другим, теряли способность двигаться и вообще осознавать происходящее, их всех старались вовремя подхватить и помочь лечь на землю.

Они лежали так долго, застыв в неподвижности, похожей на действие гипноза, и предавались откровению и пророчествам, которые небо посылало в их души.

Даже те, кто только наблюдали за танцем, испытали на себе его магическое воздействие. Их души словно освободились от груза всех мрачных мыслей и нерешенных вопросов и соединились с

чем-то вечным — вселенной, подлинной реальностью, Богом.

...С помощью ученика покинув место зикра, Идрис вдруг понял, что краски ночи стали ярче в сотни раз, а он сам мыслит какими-то цепочками ассоциаций, внезапно вспыхивающих в его мозгу (которые впоследствии оказались пророческими видениями).

Впоследствии в разговоре с шейхом он услышал, как тот говорил о магии и магическом опыте, вспоминая слова Пророка, признававшие их существование. Но шейх отрицал, что то, что видел Шах, есть магия; он считал, что танец — это всего лишь непривычное для большинства непосвященных «упражнение», помогающее связи с божественным разумом и необходимое на определенной ступени духовного развития.

Все переживания, которые человек испытывает, в первый раз кажутся ему странными — влюбленность, разочарование, горечь расставания, но когда человек переживает это еще раз, и еще раз, и еще, переживание становится если не привычным, то не таким пугающим.

На своем пути Шах столкнулся с тайным знанием об упражнениях, направленных на пробуждение «тайного органа человечества», силы, которая находится в шести областях тела, воспринимаемых только с помощью духовного видения.

Чтобы активизировать и поддерживать энергетику этих точек на должном уровне, дервиш вы-

полняет определенные упражнения и по-особенному настраивает поток своих мыслей.

Когда он научится этим управлять, эти точки словно сливаются в одну точку, в один орган, который очень сильно воздействует на дальнейшее совершенствование человека.

Следует заметить, что без внутреннего мистического опыта нельзя достичь главной цели суфизма, а именно, постижения Истины, или Реальности, и слияния с Богом. С позиции формального знания новый опыт выглядит «иррациональным» и даже просто бессмысленным для большинства людей, как словесное описание мира для человека, слепого от рождения. Суфии, переживающие высшее восприятие, говорят, что реальность их переживания выше реальности обычной жизни, как реальность жизни выше реальности сна.

Открыть в себе подобные способности можно, только установив связь между нашими низшими и высшими центрами (которые уже находятся в единении с Творцом), именно поэтому на подготовительных стадиях, ступенях суфизма такое внимание уделяется очистке низших центров. Более высокие практики работы (взаимодействия и корректировки высших центров) суфий, не посвященный на высокие ступени практики, а тем более непрактикующий человек понять просто не в состоянии.

Словами невозможно передать постижение иной реальности с бесконечно большим числом измерений, даже посвященному в высшее учение

сложно передать на языке «плоского» мира явившееся ему откровение, но как бы то ни было, это приблизительно похоже на безбрежный океан света и ощущение всем существом единства всего на свете, ощущения, что все вокруг живое и обладает сознанием.

Зачастую такие откровения посылаются человеку, чтобы он не сбился с пути.

Учителя же пребывают в подобном состоянии практически постоянно или очень часто — только такие авторитеты могут учить других.

...Всего несколько недель, и чувство причастности к великой тайне сменилось ощущением того, что ничего сверхъестественного в этих упражнениях нет. Все методики были результатом долгой успешной духовной практики и уже казались абсолютно естественными. Как и сами суфии, большинство из которых отправлялось в мир, чтобы занять там место, незаметное всем остальным, заниматься различными ремеслами и поражать всех, кто видит чуть больше, чем внешняя форма, глубокой духовностью и одновременно естественностью в общении, как будто это и есть самые обычные люди, а не «формальные» представители некоей тайной доктрины. Такими могут быть только суфии.

Нет никакой неловкости при общении с этими людьми, которую чувствуешь время от времени со священником любой другой веры. Однако нет даже малейшего сомнения, что это действительно духовные люди в самом глубоком смысле. Это можно

назвать почти ошеломляющей чертой суфиев, но она же — одна из самых притягательных. Духовность есть часть их природы, как будто она пропитала самую ткань их существа. У них нет особого образа жизни: они живут своей частной жизнью, а то, что они суфии, вполне совместимо с ней.

Идрис, скорее всего, принял обет посвящения, ведь без этого он не мог двигаться дальше, не мог отправиться на поиски теперь уже своего личного учителя, который повел бы его. Ему нужно было повторять раз за разом в течение многих дней отрывок из священного магического текста: таков был его ученический обет. Он выбросил свое европейское платье и впервые надел одежду посвященного — мешковатые шаровары, безразмерную рубаху, накидку и тюрбан — все застиранное до такой степени, что невозможно было выявить первоначальный цвет вещей. Он отпустил бороду, пока жил в монастыре, и поэтому почти перестал напоминать европейца. Особенно изменились глаза, выражение которых стало более спокойным — как гладь большого озера в тихую погоду.

Теперь надо было отыскать своего учителя.

Их было множество, но как выбрать того, кто действительно ему необходим?

Как он проверит, кто перед ним — подлинный учитель, или неуклюжий неуч, или даже шарлатан (и такие встречаются среди тех, кто объявляет себя суфи-учителями)?

А все просто: ученик, нашедший истинного учителя, меняется во всем. Его личность изменяется

так сильно, что это заметно всем окружающим, даже посторонним людям. Близкие не могут сдерживать удивления и постоянно говорят ученику, нашедшему реального учителя, что он изменился в лучшую сторону (стал прагматичнее или спокойнее, рассудительнее или внимательнее, или они даже не могут сказать точно, что в человеке изменилось к лучшему).

Повышается материальное благополучие и удовлетворение профессиональной деятельностью. В семье ученика, если он имеет свою семью, налаживаются гармоничные отношения. Ученик ощущает в себе неведомые ему ранее запасы духовных сил, и окружающие говорят, что он стал сильнее, независимее, влиятельнее, чем прежде.

Все это показатели того, что ученик наконец-то нашел своего истинного учителя, кем бы он ни был в миру — сельским учителем или мусульманским священником, профессором или художником.

При этом жизнь в миру, а не в закрытой общине или в пустыне как раз и помогает трезво оценить результаты совместной работы учителя и ученика, хотя никто не отрицает пользы временного уединения или аскезы с четко поставленной целью.

Идрис выбрал свой путь, путь суфия, и с полным правом мог сказать о том, что в соответствии с его местом в мире и той страной, где он живет, он выбрал свой путь.

И он вернулся в мир после десятилетнего отсутствия.

Часть 4

**Успехи
и успеваия**

ИЗО
Terra

Появление из тьмы

В середине пятидесятых Идрис Шах появился из тьмы. Если о десятилетии, которое, по его словам, он провел в духовных исканиях в мистическом сердце Азии, мы можем лишь строить догадки, то его появление зафиксировано во многих источниках.

В 1955–1958 годах Идрис Шах работал секретарем и компаньоном у известного оккультиста, которого называли «главным колдуном Британских островов», доктора Джеральда Гарднера, директора Музея волшебства и колдовства на острове Мэн. Вот так его давнее студенческое увлечение оккультизмом помогло ему найти работу.

Джеральд Гарднер, родившийся в 1884 году в местечке близ Ливерпуля в состоятельной семье, нажившей свое состояние на торговле лесом, имел в своем роду ведьмовские корни. Его дальний прямой предок, Гриссэль Гарднер, в XVII веке была сожжена по обвинению в колдовстве, а дед взял в жены женщину, имевшую репутацию

ведьмы. В его роду также были экстрасенсы и провидцы.

Мальчик болел астмой, и его нянька убедила родителей, что климат Англии для него вреден, и увезла его на Цейлон. Повзрослев, Джеральд работал там на чайной плантации, затем переехал на Борнео, а затем в Малайзию, где подрабатывал чернорабочим. На Востоке он увлекся местными оккультными ритуалами и чрезвычайно полюбил ритуальное оружие (особенно ножи для метания), о котором потом написал книгу, ставшую классической, — «Крисы и другое малайское оружие». Она была издана в 1939 году в Сингапуре и несколько раз переиздавалась.

Около десяти лет Гарднер работал инспектором каучуковых плантаций и опиумных заведений, скопил значительную сумму, на которую мог безбедно существовать, занявшись любимой археологией (считается, что он открыл древний Сингапур).

В 1936 году он вышел в отставку, написал второй роман — «Богиня грядет», который был опубликован в 1939 году, и вплотную занялся оккультизмом, принимая участие в работе масонских лож (вступил с женой в Братство Кротоны, оккультную группу, близкую к масонам). Группа виккан, которые говорили, что являются наследственными колдунами, помогла ему вступить в общину Дороти Клаттербак, проводившей странные ритуалы, после одного из которых пять членов общины умерли, а Гарднер долго болел.

Гарднер близко общался со знаменитым оккультистом Алистером Кроули, который посвятил его в члены *Ordo Templi Orientis* (O. T. O.) и обменивался с ним сакральным знанием. Есть сведения, что Кроули помогал ему в написании «Книги Теней», ставшей своеобразной библией для общества Викки и всех виккан. Часть ритуалов он включил в художественный роман «Руководство по высшей магии». Чтобы маги и колдуны могли собираться беспрепятственно, вдалеке от чужих глаз (а колдовство было запрещено в Англии до 1951 года) Гарднер основал Клуб нудистов в Гертвордшире.

После того как закон против колдовства был аннулирован, Гарднер сформировал свою собственную общину и переехал в Каслтаун на остров Мэн. Там Сесил Уильямсон когда-то основал Музей магии и волшебства в фермерском доме масонов, насчитывавшем 400-летнюю историю, назвав его Фольклорным центром.

Гарднер добавил в обширную коллекцию ритуальных экспонатов свои собственные (например, сертификат, выданный Кроули «Тайным орденом Мальты», с Божьим оком в треугольнике, пентаграммой и гексаграммой) и вскоре целиком выкупил музей.

Он писал ритуальные материалы и книги с верховной жрицей Дорин Валиенте, по некоторым данным, он обладал реальной магической силой, пусть и не очень большой, и практиковал са-

домазохистские ритуалы. Гарднер очень хотел возродить культ колдовства, который называл «старой религией», но он сам не верил в успех своих усилий: «Культ обречен, — писал он, — я боюсь, частично из-за современных условий, нехватки жилья, уменьшения современных семей, и, в основном, из-за образования. Современный ребенок не интересуется этим. Он знает, что все ведьмы исчезли...»

С такой неординарной личностью был несколькими годами работы связан Идрис Шах, работая под началом Гарднера в Музее колдовства. Видимо, он питал немалую симпатию и уважение к этому человеку, ведь первой книгой, которая была издана в организованном им в 1960 году издательском доме «Октагон Пресс» («Издательство Восьмиугольника») была книга Джеральда Гарднера.

В его же издательстве под именем Джек Брейкелин была издана прижизненная биография Гарднера, которую приписывают перу самого Шаха, написавшего ее во время работы секретарем Гарднера.

Идрис Шах оказался успешным предпринимателем, его издательский дом потихоньку набирал обороты. В «Октагон Пресс» издавались книги по восточной психологии и истории литературы, книги по философии, фольклору, культурной географии и традиционной психологии, но основное внимание уделялось изданию суфийской литературы. Он хотел сделать эту литературу доступной для

людей с любым образованием (вместе со специальной издавая и прикладную) и всех поколений, даже для детей, стараясь связать контекст суфизма с культурной средой западного мира.

Через свое издательство Идрис также распространял и массу литературы и брошюр с информацией об Афганистане (особенно после ввода советских войск и начала афганской войны в 1979 году), пытаясь сделать эти публикации своеобразным трагическим дневником войны и разрушения страны.

Постепенно у издательства появились дополнительные офисы в Лондоне, а затем и дочерние фирмы, обладающие запасом книжной продукции «Октагона» практически по всему миру. В «Октагон Пресс» были изданы почти все книги Идриса Шаха и членов его семьи, а также Дорис Лессинг, Ричарда Бартона и суфийских классиков.

Но первые две книги Шах выпустил не в своем издательстве.

Первые книги: «Восточная магия» и «Предназначение — Мекка»

Религиозное перерождение любого человека — это нечто таинственное и неизъяснимое. Внутренний перелом Идриса во внешней жизни выразился в том, что он начал писать и так доносить свое предназначение до других людей.

В интервью Идриса Шаха в июле 1975 года в программе «Психология сегодня» один из читателей спросил его о книгах по магии, которые тот написал в начале своей писательской деятельности, о том, почему он не стал дальше спекулировать на интересе простого обывателя к колдовству и магии.

Шах ответил, что основной целью его книг по магии было то, чтобы эти материалы стали доступными для массового читателя. Ведь то, что неизвестно, нас страшит больше всего, а подробная информация развеивает этот страх за несколько минут. Магия существует — это раз. Второе — магия не попадает под рационалистическое объяснение, как физическое явление или собст-

венный жизненный опыт. И информации об этом явлении — истинной магии — должно быть как можно больше хотя бы для того, чтобы отделить химию от алхимии.

Идрис работал с Гарднером, для которого оккультизм был воздухом, но Шах понимал, чувствовал, что ему следует постепенно проявлять себя на пути служения, и настал момент явить западному миру суфизм, о котором простому обывателю практически ничего не было известно. Поэтому первые книги Шаха («Восточная магия» и «Предназначение — Мекка») были адресованы не узкому кругу ученых-востоковедов или оккультистов, а очень широкому кругу простых читателей, не имевших прежде никакого представления о суфизме, а легкий и увлекательный стиль изложения, так удававшийся Шаху, наверняка должен был заинтересовать неискущенного читателя.

В первой книге «Восточная магия» (1956 год), в России изданной как «Магия Востока», еще чувствуется влияние Гарднера — ведь в ней изложены различные магические ритуалы, от описанных в Библии и египетских свитках до ритуалов уральских шаманов и современных дервишей (танцы тариката Бекташи), но к теме суфизма Шах лишь только прикоснулся. Из-за обилия подобной литературы первая книга прошла почти незамеченной, но вот вторая вызвала неподдельный интерес.

В статье Эдвина Кистера «Великий шейх суфиев», опубликованной в августе 1977 года в *Human Behavior*, говорится, что, по словам Шаха, он непрофессионально занимался писательством начиная с ранней юности, но издал книгу, которая стала широко популярна — «Предназначение — Мекка», только в 1957 году. А вот идея книги о суфиях не созрела до тех пор, пока ему не исполнилось сорок. Английский поэт и романист Роберт Грейвз был одним из тех, кто поощрял его «писать для естественных суфиев повсюду», но Шах скромно отвечал: «Я еще не чувствовал, что у меня есть подходящие литературные навыки».

Забавно, но некий турецкий издатель отказался издавать одну из книг Шаха, объяснив это тем, что «любой мог сделать книгу буквально из воздуха, собрав устные предания крестьян, проехавшись по Анатолии». Но Шах никогда и не отрицал того, что учился и впитывал в себя рассказы, сотни и тысячи преданий простого народа, слуг, деревенских сказителей, всей персидской литературы — действительно «прямо из воздуха».

Три вида знания

Ибн аль-Араби из Испании передал этот древнейший закон своим последователям.

Существуют три вида знания. Первое — это знание интеллектуальное, которое по существу есть просто информация и собирание фактов, используемых для выведения дальнейших умозаключений. Это интеллектуализм.

Вторым идет знание состояний, включающее как эмоциональные переживания, так и необычные состояния сознания, когда человек полагает, что воспринимает нечто высшее, но не может использовать его. Это эмоционализм.

Третье — это истинное знание, называемое знанием реальности. Человек, обладающий этим видом знания, способен различать, что является правильным и истинным, поверх границ мысли и чувства. Схоласты и ученые сосредотачиваются на первой форме знания. Эмоционалисты и эмпирики пользуются второй формой.

Остальные пользуются обеими вместе либо то одной, то другой.

Но люди, постигающие истину, — это те, кто знает, как воссоединяться с реальностью, которая простирается поверх этих обоих видов знания. Таковы истинные Суфийи, Дервиши, которые Постигли.

Идрис Шах. Путь суфиев

После выхода второй книги, в 1958 году, Идрис Шах женился на Синтии Кабраджи. Ему было тридцать четыре года, ей тридцать.

У него не было серьезных любовных романов до встречи с ней, девушек отпугивало его откровенное признание, что любые, самые искренние семейные или супружеские отношения всегда будут занимать второстепенное место в его жизни, потому что у него есть совершенно иная задача, иное предназначение, которому будет посвящена вся его жизнь. Девушек это отталкивало, но, возможно, он не встретил ту, которая ему была нужна? Синтию это не оттолкнуло.

«Женщина — вторая половинка мужчины», — написал Идрис Шах в своей книге «Караван сновидений», но проблема часто состоит в том, чтобы найти именно свою половинку, которая будет гармонично дополнять твою личность.

И это не значит, что женщина начинает «принадлежать» мужчине, религиозный человек понимает, что все принадлежат Богу, и только Ему. И в

исламе, и в суфизме существует образная идея, что жизнь дается человеку лишь взаймы, на определенное время, как долг, который необходимо вернуть.

Синтия тоже, как и Идрис, была ребенком двух культур — Восточной и Западной: ее матерью была Элеонора М. Уилкинсон, а отцом — Фридун Кабраджи. Видимо, только такая супруга могла действительно проникнуться интересами мужа и действительно проявить понимание в его непрестом служении.

О романтической истории своей любви Синтия, в отличие от своей свекрови, миру не поведала — Идрис, как настоящий англичанин, строго соблюдал *privacy* — право на конфиденциальность личной жизни.

В этом браке через шесть лет родилась дочь Сайра, а еще через два года — близнецы София и Тахир.

В Институте изучения человеческого знания

Работоспособность Шаха была поразительной. Помимо предпринимательской и писательской деятельности, он постоянно участвовал в какой-то общественной работе. В тридцатипятилетнем возрасте он начал общественную работу на посту научного директора благотворительной общеобразовательной организации «Институт изучения человеческого знания» (ISHK).

Это образовательное учреждение, занимающееся популяризацией важнейших научных исследований, касающихся человеческой психологии и физиологии, выдвигающее на первый план открытия современной психологии, антропологии, образования, медицины, эволюционной теории, неврологии, экологии, но также уделяющее внимание и древним системам знания.

В числе директоров и сотрудников института было много первооткрывателей и ведущих мыслителей нашей эпохи: Дорис Лессинг, Роберт Остейн, Идрис Шах, Джеймс Бюрк, Эдвард Т. Холл и другие.

Образовательные программы ISHK, распространение специальной обучающей литературы использовались тысячами профессионалов и заложили серьезные изменения в общественной жизни, образовании и здравоохранении. Институт создавал и разрабатывал образовательные программы для учителей дошкольного и младшего школьного образования, немалый вклад в эти программы внесли и книги Идриса Шаха для детей (ISHK стал единственным американским дистрибьютором работ Шаха, изданных в «Октагон Пресс»).

Шах руководил научной работой и участвовал в образовательных семинарах института, посвященных новому сознанию и новым открытиям в области мозга. ISHK в 1972 году стал одной из первых организаций, продвигавших дополнительное психологическое образование для специалистов других профессий, одобренных американской Психологической ассоциацией.

Мало кто знает, что Идрис Шах написал много детских книг — широкоформатных, красиво иллюстрированных, награжденных множеством премий и призов, которые рассказывали в доступной детям форме о богатых традициях Афганистана, Средней Азии и Ближнего Востока. Эти книги умело совмещали в себе развлечение и обучение, ребенка они развлекали, а взрослый мог постигать их глубинный смысл.

В 1998 году институт начал массовый выпуск подобных книг, содержащих традиционные обу-

чающие рассказы и дополненных CD; это продолжило традицию семинаров 1970-х годов, в которых Шах принимал личное участие.

Помимо этой общественной деятельности, Шах выступил основателем лондонского «Общества понимания фондов идей» (SUFİ) примерно в середине 1960-х. Затем эта организация была переименована в «Институт культурного исследования» (ICR), работавший совместно с тайным «Обществом исследований суфия» (SSS), также основанным Идрисом Шахом (на сегодняшний день оно не существует).

«Институт культурного исследования» успешно работает до сих пор, приглашая для выступлений на семинарах и лекциях различных ученых, чья деятельность связана с медициной и различными аспектами человеческой психологии.

«Суфизм» — не просто книга

Основную работу своей жизни Идрис Шах написал в 1963 году (она была издана Джонатаном Капом в 1964 году). Именно книга «Суфизм» (иногда ее название переводят как «Суфии») стала программным пособием для студентов Оксфорда и многих других учебных заведений.

Он часто просиживал целые дни над чистым листом бумаги, а потом начинал писать непрерывно, с невыразимым вдохновением, набело. Он спал по четыре-пять часов в сутки и работал, работал...

Идрис рассказывал, что во время работы над книгой ему было видение, словно какой-то благообразный суфий, лица которого он не узнал, подошел к нему и благословил на труд над этой книгой, сказав слова, которые и стали первыми ее строчками.

В своей работе Идрис Шах прослеживает распространение суфийской мысли примерно с VII века нашей эры и ее взаимосвязь со многими шедевр-

рами европейской литературы и культуры, связывая с суфизмом такие полярные явления, как масонские ложи и основатель ордена францисканцев святой Франциск Ассизский, Рыцарский круг и священные мистические и иудейские тексты, алхимия и Сервантес.

Во вступлении к этой книге Роберт Грейвз писал, что по английской академической традиции «рыба — не самый лучший учитель по ихтиологии, а ангел — по теологии». Вероятно, в силу этого, самые полные и авторитетные современные издания и публикации о суфизме были написаны блестящими европейскими или американскими профессорами, которые скорее исследовали все-таки исторический, а не религиозный или мистический аспект суфизма. И почти никто из них не был практикующим суфием, то есть не проходил обучение у суфиев, не выполнял специальных духовных упражнений, не испытывал религиозного экстаза и не всегда точно мог разобрать причудливую поэтическую игру персидско-арабского стихосложения.

Грейвз убеждал Шаха в необходимости подобной публикации хотя бы для того, чтобы открыть людям с склонностями к этой традиции, но живущими в западных странах, что их образ мысли и устремления разделяет еще множество людей, гораздо более продвинувшихся на этом пути, и что «их интуитивные знания могут быть отточены опытом других». Шах выразил свое согласие с

Грейвзом, хотя и предполагал, что, возможно, написание подобной книги будет связано с определенными трудностями.

Шаху удалось показать, какими неразрывными нитями связаны с суфизмом средневековое христианство, каббала, дервиши и классическая европейская и персидская литература. Он приводит совершенно неожиданные аналогии, например то, что четки, по его мнению, придумали мусульмане или что Чосер испытал значительное влияние известных суфийских поэтов и множество другой информации. «Эта книга будет полезна, по меньшей мере, большому количеству людей, разделяющих этот образ мышления с одним-двумя близкими друзьями, которых она, несомненно, поразит так же, как поразила меня» (из вступления Роберта Грейвза к книге «Суфизм»).

Новаторством было утверждение Идриса Шаха: древняя традиция жива, она развивается, дышит и видоизменяется. В ряду «мистических откровений», заполонивших книжные стенды, эта книга была как глоток свежего воздуха.

Но, конечно, о работе Шаха было множество и критических высказываний: так сейед Хоссейн Наср, написавший «Исламские космогонические доктрины», критиковал его за ложное представление о суфизме и «солянку» из цитат Руми и Хафиза, перемешанных с кусками текста о мистических тайнах, а также за такие неточности, как прямое влияние суфизма на дзен-буддизм,

хотя дзен в классической истории предшествует зарождению суфизма на несколько столетий...

Однако Роберт Грейвз напрасно беспокоился о востребованности этой книги и о том, что «экономические факторы, связанные с публикацией книги, несомненно, приведут к тому, что большая часть тиража окажется в руках тех, от кого ускользнет большая часть того, что хотел сказать автор». «Суфизм» стал бестселлером, массовый читатель принял книгу восторженно. Да и многие западные интеллектуалы после выхода этой книги на долгие годы стали учениками или яростными сторонниками суфия Идриса Шаха.

Создание «школы Шаха»

После выхода книги «Суфизм» Шах стал получать со всех сторон настолько восторженные похвалы, что ему, человеку по натуре скромному, было неловко их принимать: в публикациях и в личном общении его называли «Великий шейх Идрис Шах Сахиб», «принц Идрис Шах», «Король Енох», «Присутствующий», «Инкарнация А» и даже «Кутб» («ось», «точка опоры» — ранг в суфийской духовной иерархии, означающий главу суфийского братства).

Ему посвящали хвалебные публикации (например, «Если вы знали Суфия» Дорис Лессинг) и даже книги, большая часть которых вышла в «Октагон Пресс». Самыми известными из этих книг стали «Учителя Гурджиева» Рафаэля Лефорта, в которой автор давал понять, что западу явился настоящий суфийский мастер, который обучался у Гурджиева и превзошел его; а также «Тайные общества вчера и сегодня» Аркона Дарала, где в главе «Моя встреча с Суфием», говоря о школе

Накшибанди в одном загородном доме Сассекса, автор намекал именно на Шаха.

Даже допустив, что подобные публикации были как-то инициированы самим Шахом, сказать уверенно, какие именно цели им преследовались, не может никто. Если целью было как можно более широкое распространение идей суфизма на Западе, то... цель оправдывает средства. Мы же можем отследить лишь внешнюю канву событий, не погружаясь в их подтекст, открытый лишь для очевидцев, большинство которых уже покинули этот мир. Такой была история отношений Шаха с Беннеттом, о которой пойдет речь в следующей главе.

Часть 5

**Знаковые
встречи**

ИЗО
Terra

«Вечный ученик» и «декларация людей традиции»

В 1962 году произошла историческая встреча, коренным образом изменившая судьбы двух людей: Идрис Шах встретился с Джоном Годолфином Беннеттом, писателем и духовным искателем, учеником Георгия Гурджиева, и показал ему документ под названием «Декларация людей Традиции».

Вера Шаха в преемственность высшего знания, истинной Традиции была несомненна. Устремления его веры выражались в целеустремленности, практичности и масштабе замыслов. Тайное знание должно быть передано, но что нужно делать, с чего начать, чтобы выполнить свою миссию, донести ее до людей и мира? Даже если ему не суждено увидеть реальные результаты своих усилий еще при жизни, успех, несомненно, будет достигнут.

Он, возможно, мог сомневаться в себе, в своих силах, у него могли быть минуты и даже дни, когда он уставал и отчаивался, но он верил в дело, которому служил.

Идрис Шах открыл Беннетту истину о том, что направлен на Запад с определенной миссией од-

ной из древнейших суфийских школ Афганистана и в начале этой специфической фазы его работы ему требуется вся возможная помощь. И он действительно получил неоценимую помощь от Джона Беннетта, который вскоре передал в его распоряжение важные активы.

Почти в это же время выходит книга Рафаэля Лефорта, в которой автор говорит, что есть суфийские учителя, которые, как и Гурджиев, наследовали учение той же древней традиции, только Гурджиев обладал меньшим даром, а с его смертью его учение почти лишилось благодати, бабеки: «То, что теперь устарело, ничего не даст. Учение, предназначенное для передачи в специальное время, продолжается только до тех пор, пока не наступает перерыв для начала другой стадии. Когда начинает действовать новая стадия, тогда старое учение становится бесплодным и выживают лишь органические обломки, которые могут быть воплощены в новой фазе» (Рафаэль Лефорт. Учителя Гурджиева).

Только новый учитель сможет вдохнуть жизнь и возродить учение Гурджиева, точнее, продолжить развитие того движения, которое включало в себя гурджиевскую школу, как полноводная река — маленький ручей.

На такое развитие событий очень откровенно указывала книга Лефорта, особенно последние ее главы: «То, что я так долго искал, я нашел в конце концов. Не в гротескных выкрутасах устарев-

шей системы, не в диалогах интеллектуалов, не в глубоких таинственных пещерах Гиндукуша, но прямо здесь, в своей стране. Я нашел, что подлинная Традиция, верная своей цели, распространилась, чтобы вместить в себя все человечество и предложить единственный реальный, глубокий и целеустремленный путь, ведущий человека к осуществлению своего предназначения...»

Великий шейх Ул Машайх из Джелалабада послал Лефорта обратно на запад к тому, «кому поручено руководство этой временной фазой традиции», прервавшейся со смертью Гурджиева...

Джон Беннетт появился в жизни Гурджиева, когда тот, после аварии растеряв почти всех учеников, продал замок, раздал долги и поселился в небольшой парижской квартирке, где начал писать свои книги. Беннетт был философом, мистиком и духовным учителем, он написал множество книг, среди которых самым весомым трудом является четырехтомник «Драматическая Вселенная» и мемуары «Свидетель, или История поиска».

В 1939 году Беннетт с женой хотели отправиться в Сирию на поиски Источника Мудрости и Братства Сармунг (Гурджиев писал, что именно оттуда мудрость нисходит в мир). Но началась война, квартира Беннетта в Челси была разрушена, и он купил дом с семьей акрами земли на окраине Лондона, в Кингстоне. Беннетты пригласили учеников в Кумб-Спрингс, чтобы создать некое подобие общины, в которой физический труд соединяется с духовными исканиями.

Беннетт был учеником Успенского, но после того, как начал издавать свои книги, пропагандируя систему Успенского в своей редакции, был им отлучен от школы. Но многие ученики, собиравшиеся на медитации, остались с Беннеттом. После визита к вдове Успенского, которая посоветовала ему ехать к Гурджиеву и просить его руководить духовными исканиями Беннетта, тот обрел нового духовного учителя, а Гурджиев — новых многочисленных учеников из Кумб-Спрингс.

Великий мистик умер в Париже со словами: «В хорошей же неразберихе я вас оставляю...» А Джон Годолфин Беннетт, искренний искатель, учившийся у Успенского, Гурджијева (а также у де Салзманна, Ланнеса, Чикои, Дагестани, Субуха, йога гуру Махеша, Шивапуру Баба) и в конце жизни вернувшийся в Римско-католическую церковь, остался в полной растерянности.

У него было множество учеников, огромная община в Кумб-Спрингс... и отсутствие понимания дальнейшего пути. По словам Д. Мура, он был «гуру в поисках гуру». Поэтому, когда в его жизни появился Идрис Шах, он свято уверовал, что именно этот человек посетил Братство Сармунг, которое он так долго и безуспешно искал, и обладает «лицензией» на абсолютную истину.

Однако при первой встрече Беннетт настороженно принял нового знакомого. Лучше него самого (он написал книгу «Свидетель, или История поиска») об этом никто не расскажет...

Летом 1962 года во время подготовки к семинару Беннетт получил письмо от своего старого друга и единомышленника Регги Хоара, вместе с Беннеттом обучавшегося у Успенского. Вместе с письмом выпала газетная вырезка, описывающая поездку автора по святым местам Центральной Азии, где он обнаружил учение, исходящее явно из того же источника, что и идеи Гурджиева. Это письмо предваряло сообщение, что Регги и еще три-четыре его старых друга по ученичеству встретили Идриса Шаха, приехавшего в Англию в поиске последователей Гурджиева, намереваясь передать им знания и методы, необходимые для завершения их обучения».

Беннетт отнесся к этому сообщению настороженно, ведь он только что принял решение идти вперед самостоятельно, невзирая ни на что, и тут же на его горизонте появляется человек, претендующий на роль нового учителя. Беннетт побеседовал с Регги и принял решение познакомиться с Идрисом Шахом лично. Для чего он вместе с женой отправился в гости к своим старым друзьям. Следует заметить, что Беннетт к тому времени был очень влиятельным духовным лидером, у которого было около 300 учеников, к тому же человеком очень состоятельным, а Шах был тогда никому не известен и, наверное, волновался перед столь важной для него встречей.

Беннетт охарактеризовал Шаха как «молодого человека лет сорока», отвратительно говорящего

по-английски (еще бы, его десять лет не было в Англии), с бородкой и в костюме, который делал его похожим на ученика общественной школы.

Шах не понравился Беннетту; не понравилось, что он непрерывно курил (эта привычка осталась с Идрисом до конца жизни, курил он очень много), что проявлял беспокойство, что хотел произвести хорошее впечатление. Но буквально к концу ужина его впечатление сменилось на противоположное — он решил, причем решил твердо, что перед ним необычайно одаренный человек, много и серьезно поработавший над собой.

Однако после этой встречи несколько месяцев Беннетт не поддерживал отношения с Шахом, видимо оставаясь под властью первого неблагоприятного впечатления.

Однако осенью Регги Хоар опять свел их вместе, сказав Беннетту, что тщательно проверил биографию и рекомендательные письма Шаха и что тот послан на Запад с серьезной миссией, возможно, от тех же людей, владеющих тайным эзотерическим знанием, что и Гурджиев. (Георгий Иванович писал об этом в последних главах своей книги «Встречи с замечательными людьми», которую одни называют автобиографией, другие — художественным вымыслом.)

К тому же у Шаха имеется совершенно особенное толкование эннеаграммы (эннеаграмма — «знак девяти» — девятиугольная фигура, фундаментальный символ мировых законов в системе

Гурджиева), гораздо шире того толкования, что давал им Петр Успенский. Регги ранее работал в разведке и был достаточно подозрительным человеком, всегда перепроверявшим информацию, поэтому у Беннетта не было причин ему не доверять. И он признал, что Шах послан на Запад с важной миссией, и все люди, которые идут по пути постижения высшего знания, должны оказывать ему всяческое содействие. Миссия Шаха должна быть выполнена любой ценой.

Беннетт был в растерянности, он оказался в непривычной для него ситуации: человек, обладавший тайным знанием, не претендовал на роль учителя, но сообщал, что его послали учителя — хранители Традиции. У Шаха был документ, который он предоставил Беннетту и с которым разрешил ему ознакомить всех, кого тот сочтет нужным. Этот документ назывался «Декларация людей Традиции». В нем шла речь о том, что во все времена, у всех народов и во всех странах существует миф о высшем знании, скрытом ото всех, но доступном избранному после преодоления некоторых трудностей. Авторы «Декларации» утверждали, что подобное знание действительно реально, и его можно передать в то время, когда «Декларацию» прочитают люди, которым она предназначена.

В «Декларации» утверждалось, что тайное знание и его воздействие на людей отличаются от академического или книжного знания, поэтому поиски его всегда безуспешны. Но оно может отклик-

нуться на призыв того, кто уже подготовлен, и может быть извлечено особым образом. И это одна из главных трудностей на пути к истине.

Ведь к особенному «нечто» можно приблизиться только особенным способом, единственным, который позволит ее воспринять. Вы же не чините часы долотом и не ищете звезды днем — в этом случае ваши попытки будут обречены на провал... Средняя продолжительность человеческой жизни очень коротка, чтобы путем проб и ошибок подобрать ключ к тайной двери, к тому же это должен быть специальный «ключ» — особенные знания и техника, которым тоже должен кто-то научить. И даже если много людей захотят добыть это знание, оно ускользнет от них, потому что каждый человек в толпе не будет обладать достаточными навыками, и толпа окажется бессильна. Это тайное знание концентрируется и регулируется людьми, которых называют «невидимой иерархией», так как они не общаются с непосвященными.

Путь к знанию лежит через силсилу, непрерывную цепь преемственности, при этом возможности обычного человека усиливаются через установление связи с высшими силами. Во всех религиях, в фольклоре и сказках разных стран есть скрытые примеры и намеки на это явление. Некоторые магические и психологические приемы входят в это тайное знание, как части пазла.

Много раз пути к истине, предлагаемые различными учителями, оказывались не больше чем

техниками, давно известными и ведущими к тайному знанию и поддержанию цепи преемственности. Но неправильное и бессистемное использование этих техник становится одним из главных барьеров на пути к истинному знанию.

В «Декларации» приводится образный пример: то, что кокон для бабочки, для гусеницы будет тюрьмой, если она попытается использовать пустой чужой кокон, но если гусеница сплетет свой собственный кокон, она станет бабочкой.

У людей много барьеров в виде свойств характера, привязанностей, в том числе и материальных, привычных ритуалов... Поэтому от человека ускользает истина, хотя она должна быть где-то рядом. Он сможет увидеть реальность, только сформулировав первый свой вопрос, лишенный какой-либо связи с прошлым опытом, проскользнуть за «занавес обусловленности»... Это и есть цель усилий авторов «Декларации».

Так как изменились условия жизни в западном мире, изменились и условия восприятия тайного знания, поэтому эта работа может быть выполнена, а цель — достигнута.

Главной же задачей хранителей является обучение тех, кто может воспринять сказанное, причем обучение людей без разграничения их веры, национальности или расы. Все зависит только от способности людей правильно воспринимать — не от опыта, не от особенностей характера, не от веры...

Тайное знание передается людям, которым по всем остальным признакам вроде бы не должно

передаваться: они могут быть не знамениты, не богаты и не очень стары. В этом есть некоторая сложность для тех, кто представлял себе передачу традиции несколько иначе.

Авторы «Декларации», кроме распространения данной информации, ставят перед собой практическую задачу выявить восприимчивых к знанию людей, составить из них группы, представляющие собой единый организм, причем выполнить это «в нужном месте и в нужное время».

...Вот такой текст был зачитан Беннеттом группе учеников в поместье Кумб-Спрингс, где располагалось нечто вроде школы, и лондонской группе. Все были потрясены: после многих лет, заполненных только разговорами о традиции, вдруг появился человек, который эту самую традицию представляет. «Я довольно узнал Шаха, чтобы убедиться, что он не шарлатан и не бездельник, а чрезвычайно серьезно относится к полученному заданию. Он всегда настаивал, что действует не по собственной инициативе, но по инструкциям своего Учителя, который доверил ему миссию, указанную в последнем параграфе Декларации», — написал Беннетт в своем «Свидетеле».

Беннетт и Шах проводят много времени вдвоем за продолжительными беседами. Шах навещал Беннетта редко, что того несколько задевало, ведь он был на 13 лет старше, а ему приходилось совершать длительные поездки, только чтобы поговорить с Идрисом, который старался убедить его в подлинности доверенной ему миссии.

Человек и суфий

Сообщают, что однажды некто сказал мулле Джами:

— Вы не ведете себя как великий поэт и суфий. Откуда нам знать, что вы истинно таковы?

Он ответил:

— Вы, в свою очередь, ведете себя почти как человек, из чего мы заключаем, что пока вы таковым не стали.

Идрис Шах. Под покровом истины

Но Беннетт все колебался, пока однажды, отправляясь в очередную поездку, он не помолился утром, попросив о ясном указании свыше: стоит ли доверять Шаху, — и в дороге ему пришел ответ, что для разрешения этого колебания Беннетту и Идрису следует лишь помолиться вдвоем. Когда Джон приехал к Шаху, он рассказал о явившемся ему откровении, на что Шах ответил, что действительно, истина приходит в молитве.

«Этот ответ удовлетворил меня, — писал потом Джон Беннетт, — и больше я не задавал вопро-

сов. Только позднее я заметил, что в действительности он не сделал того, о чем я говорил, то есть совместной молитвы. Потом я спрашивал себя, не упустил ли я того указания, о котором просил.

Но скоро Джон совсем позабыл об этом случае, следя за тем, как Шах реализует свои планы, получив наконец пропуск в мир людей, занимавших значительное положение в обществе и обладавших немалой властью и авторитетом. Беннетт видел, как Шах убеждал их, что проблемы всего мира можно решать не только с помощью политических или экономических методов, но и с помощью знания древней традиции. Шах замечал, и Беннетт с ним соглашался, что в большинстве случаев люди, пришедшие в то или иное эзотерическое движение, обычно не занимают высокого положения в обществе, поэтому надо, наоборот, привлекать к себе людей, уже достигших высоких постов.

Беннетт так описывает то, что происходило дальше: «С течением времени я понял, что Шах смотрит на меня как на *обязанного принять решение* помочь ему вывести свою работу на новый и более широкий уровень. Он дал понять, что хотел бы иметь место, подобное Кумб-Спрингс, чтобы общаться с как можно большим количеством людей».

Разумеется, вполне естественно, что Джону было жалко расставаться со своей собственностью и он пытался предлагать какие-то другие варианты, например договор аренды на длительное

время, который он бы заключил с Идрисом. Но Шах отверг все эти варианты — его устраивали только передача поместья в полную его собственность, а также «передача» ему тех учеников, которые окажутся восприимчивыми к учению. Он говорил Джону, что времени остается все меньше, «караван уходит», и если кто-то не готов присоединиться к нему, то останется позади.

Беннетту, с одной стороны, хотелось освободиться от привязанности к месту, где он хотел спокойно дожить оставшиеся годы и умереть. Он трогательно любил Кумб-Спрингс, ему было невероятно тяжело отказаться от поместья, но чем больше он видел в себе сожалений, тем сильнее хотел принести себя в жертву.

Шах обсудил с Джоном то, что передача поместья должна быть безвозвратной и добровольной, поэтому Беннету еще предстояло убедить в необходимости этого шага совет учредителей и членов его института. И в середине 1965 года Беннетт принял окончательное решение и провел последний семинар, на который пригласил и Шаха выступить перед учениками, многих из которых он убедил в важности своей миссии.

Поместье стоило 100 тысяч фунтов, и члены совета сначала предлагали продать его и половину суммы отдать Шаху, но тот стоял на своем: или все, или ничего. Беннетт передал дом в полную собственность Идриса Шаха добровольно и безвозвратно.

После этого Джон собрал оставшихся ему верными учеников и спросил их: что будет, если Шах продаст поместье и уедет с деньгами в Афганистан? Ведь Шах не давал им никаких обещаний, а просить от него гарантий значило бы признать поступок Беннетта безрассудным — он же помогал миссии Шаха, помогал хранителям традиции. Но Беннетт колебался и не был уверен в том, что поступил правильно.

Затем Шах, по словам Беннетта, запретил его последователям посещать Кумб-Спрингс и негодовал по поводу задержек при освобождении дома от нажитого скарба. «Его явное негостеприимство отвадило меня от посещения Кумб-Спрингс, — написал Беннетт. — Вообще-то, Шах — человек изысканных манер и тонко чувствующий, так что его поведение может быть отнесено за счет желания убедить, что все наши связи с Кумб-Спрингс разорваны».

Через год Идрис решил продать Кумб-Спрингс и вывесил об этом крупное объявление у ворот поместья. Через пару месяцев поместье продали за 300 тысяч долларов, а место начали расчищать под застройку тридцати коттеджей. Шах переехал в Лангтон-Хаус в графстве Кент.

Цель оправдывает средства, не так ли?.. Вряд ли мы можем верно оценить поступки и намерения человека, который значительно превосходит обычных людей по духовному опыту и мистическим способностям. Кто знает, возможно, в душе

Идриса Шаха происходила тяжелая борьба, но, решившись следовать своему пути, он уже не мог отступить.

Итак, в 1965 году Беннетт, выиграв свою духовную битву с материальной привязанностью, подарив всю собственность в Кумб-Спрингс Идрису Шаху и «передав» ему половину (или больше) своих учеников (кое-кто из них помнил предсказание Елены Блаватской о том, что Учитель Мудрости не явится с Востока до 1975 года; может быть, Шах и был этим Учителем, который должен явиться?). Как видим, несмотря на свои сомнения, Беннетт искренне верил в миссию Шаха, но к концу жизни этот неутомимый искатель истины принял католичество и умер католиком в 1976 году.

Новая версия Рубаи

Аура эmissара тайного Востока и представителя хранителя традиций вовлекала в круг Идриса Шаха рафинированных звезд европейской интеллигенции, таких как Тед Хьюз, Роберт Остейн, Роберт Грейвз и Дорис Лессинг, подняв его на вершину социального признания и успеха. Грейвз и Лессинг были наиболее преданными сторонниками Идриса Шаха, долгие годы самозабвенно защищавшими его от нападков критиков.

...В гостиную внимание Грейвза сразу привлек худощавый и смуглый мужчина, в отличие от других представителей богемы одетый в костюм и галстук. Это был Шах; Грейвза поразили простота и уверенность, которыми обладал Шах, человек намного моложе его. Грейвзу, натуре поэтической, показалось, что Идрис как будто владеет особым секретом, некоей тайной, которая открывает ему совершенно новое восприятие мира. Идрис познакомил его со своим братом Омаром, и Грейвза полностью захватил мистический духовный поток суфизма.

Правда, он слышал только то, что хотел слышать, что совпадало с его собственными философскими идеями. Он отвергал мистическое значение, которое суфии придавали числам, но сразу принял как неопровержимый факт существование телепатического взаимодействия, которое рождает огромный внутренний потенциал. Это подпитывало его теорию о том, что поэту нужна муза, которая будет подпитывать его поэтический талант, и вместе они будут мощной силой. Муз могло быть несколько — поэзия не терпит однообразия.

В своем обширном предисловии к первому изданию книги Шаха «Суфизм» Грейвз выделил в суфизме именно то, что было для него значимым, например то, что поэтическое озарение приходит одновременно с любовью, а от поэта требуется безграничная преданность музе (даже если она ведет себя жестоко или неразумно). Грейвз процитировал слова Ибн аль Араби, испанского араба из Мурсии, «которого суфии называют своим Мастером Поэзии»:

Если я поклоняюсь ей, считая это своим
долгом,

И если она никогда не отвечает на мои
приветствия,

Есть ли у меня повод для обид?

Любимая женщина не знает никаких
обязательств.

Он сравнивал эту любовную лирику с провозглашением культа Девы Марии, отмечая, что Богоматерь больше всего почитают в странах, где общины суфиев наиболее влиятельны.

Идрис Шах постепенно становился для Грейвза непререкаемым духовным авторитетом, и через некоторое время Роберт стал настойчиво рекомендовать своим друзьям и знакомым во всем советоваться с Идрисом. Поэт искренне считал, что все его друзья просто обязаны разделить его увлечение суфием и советы Шаха будут им всем только во благо. Но, к сожалению, к нему не все прислушивались, его соседи с улыбкой признавали, что афганец учтив и приятен в общении, но они отнюдь не считают его великим мистиком, как его всем описывает Роберт. Все уже привыкли, что Грейвз возвеличивает всякого, кого любит в данный момент.

Грейвз, веривший в силу талисманов, считал, что Идрис приносит ему удачу одним своим присутствием. Стоило ему по приглашению Грейвза приехать на Майорку, как к поэту вернулась одна из его любимых муз, которой он посветил прекрасный цикл любовной лирики.

Даже термин «барака», который объяснил ему Шах, он истолковал по-своему: он всем рассказывал, что любовь между ним и его музой имеет бараку, и надеялся, что какой-нибудь из его амулетов тоже ею обладает. Грейвз восхищался обоими братьями Шах и с восторгом принял подарок, пре-

поднесенный ему Омаром Али Шахом, написавшим несколько книг по суфизму и возглавлявшим несколько суфийских групп в Латинской Америке, где он был очень популярен.

Омар предложил Роберту Грейвзу издать спорный перевод Хайяма, который в этом издании преподносился как великий шейх суфиев. А новизна и даже сенсационность этой книги были в том, что она, предположительно, основывалась на неизвестной доселе рукописи Хайяма.

В конце 1966 года Грейвз лежал в госпитале, поэтому он посчитал бесценным подарком и лучшим лекарством подаренный ему Омаром Шахом рукописный текст рубайята Хайяма, якобы относящийся к XII веку. По словам Омара, этот текст принадлежал их прадеду Джану Фисхану Хану и бережно передавался из поколения в поколение. Причем оригинал он не может предоставить, так как это семейная реликвия необыкновенной ценности — священная драгоценность, но может передать Роберту стихи, переписанные им от руки. Грейвз мог бы сделать прекрасный перевод Хайяма — лучший из изданных.

Грейвз поверил Омару и взялся за чтение рукописи.

Стихи были великолепны, единственное разочарование, которое постигло Грейвза в работе над этим замечательным поэтическим текстом, было то, что та благородная любовь, которую древний поэт чувствовал к своей знакомой из Шираза,

оказывается, была только дружеской и никаких плотских отношений между ними не было. А Грейвзу так хотелось провести аналогию между чувством Хайяма и своей любовью к леди А.! Это «разочарование» очень ярко обрисовывает поэтическую натуру Грейвза.

Омар объяснял Роберту, что предыдущий перевод Хайяма (сделанный Эдвардом Фитцджеральдом) был абсолютно неверен, так как была нарушена последовательность четверостиший, которые должны идти в строго определенном порядке. Именно в этом порядке будет особенно сильным их воздействие, предусмотренное суфием для снисхождения на читателя необычного откровения. К тому же требовалось подчеркнуть истовую религиозность Хайяма, которого западные переводчики представляли атеистом.

Грейвз любил противопоставлять себя общепризнанным авторитетам и взялся за работу с радостью — долгие ночные часы в больнице он трудился под светом одной лампы и смог полностью закончить перевод уже в феврале 1967 года.

Роберт ни минуты не сомневался в том, что рукопись подлинная. В ноябре его перевод был выпущен в свет издательством Cassell, сопровождаемый массой публикаций в прессе, где Грейвз говорил о нем как об «оригинале рубайята Омара Хайяма».

Миранда Сеймур («Роберт Грейвз — жизнь на краю») писала: «Ощущая под-

держку со стороны Шаха, Грейвз продолжал делать декларации во все более воинственном стиле. „Насколько я понимаю, уже не долго ждать того дня, когда царственный владелец документа, датируемого 1153 годом от Р. Х., удовлетворит наконец жажду истины, от которой томится мир, — писал он в журнале „Лайф“, — после чего любой английский иранист, который не желает считаться с фактами, должен будет оставить свое лекторство, или ему придется записаться на прием к психиатру“».

Но критика год от года становится все более ожесточенной и язвительной, и Грейвз просит сначала Омара, а потом и Идриса, на которого он тоже ссылался при переиздании, «предъявить в качестве свидетельства рукопись и снять с него обвинения в литературной подделке». Поэт был обеспокоен и тем обстоятельством, что получить рукопись, которая передавалась по наследству, непосредственно от их отца Икбала Али, он не мог — тот погиб в авткатастрофе в 1969 году в Марокко.

Это стало трагедией для семьи. Омар Али, Амина, Идрис глубокого скорбили о смерти отца. Его тело перевезли в Англию и похоронили на кладбище Бруквуд, где рядом с ним через несколько лет упокоилась и его жена Элизабет.

Выразив свои соболезнования, через некоторое время после трагедии Грейвз опять поднимает во-

прос о подлинной рукописи, на что Идрис отвечает ему, что «рукопись эта, как Вы знаете, не находится в моем владении. Если бы это было иначе, то у меня не было бы ни малейшего колебания безотказно показать это любому человеку при любых обстоятельствах и в любое время».

Разозленные нападками и критикой Грейвза, академические ученые-персоеды проявили большую настойчивость, чем певец муз. Один из них, Боуэн, сделавший свой перевод Хайяма восемью годами раньше, отправился в Афганистан и встретился с главой клана Шахов, который, по словам братьев, был хранителем рукописи, принадлежавшей Джану Фисхану Хану до тех пор, пока она не была передана отцу Идриса. Глубоко удовлетворенный ответом, Боуэн писал, что красивый старец с ясным взглядом учтиво пояснил ему, что никогда не владел какой-либо рукописью и ничего не слышал о поэте или суфии Омаре Хайяме.

Позднее исследователями было высказано предположение, что переписанный Омаром Шахом текст был очень похож (с теми же погрешностями) на перевод поздневикторианской эпохи, сделанный Э. Херон-Алиеном; Боуэн сделал об этом публикацию в «Слушателе» в 1972 году; ответа или опровержения не последовало.

Приверженцы Шаха прокомментировали ситуацию следующим образом. После издания нового перевода рубайата и заявления, что Хайям был великим суфием, некоторые академические восто-

коведы объединились, почувствовав, как зашатался их авторитет. Новые идеи Шаха вызвали их яростное возмущение, и один или два из них даже отправились в Афганистан с целью разоблачения Шаха и сбора компромата на него. Но семьи хашимитов надежно защищают свои секреты от посторонних глаз. И поэтому нелепые рассказы востоковедов не смогли поколебать растущий авторитет Шаха.

Ожесточенные споры вокруг нового перевода Хайяма со временем затихли, и Идрис Шах даже был приглашен академическим сообществом для чтения лекций (например, в Стэнфордский университет в США, Женевский университет).

Римский клуб

Мы уже упоминали о широкой общественной деятельности Идриса Шаха. Но одну сторону его работы мы пока не затронули. Сам Идрис, вероятно, гордился тем, что был членом и одним из основателей Римского клуба — международной организации, концепцию которой придумал Аурелио Печчеи в 1968 году. Римский клуб объединял представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты.

Членство в этом клубе поднимало Идриса Шаха еще на одну ступеньку социальной лестницы. Всего сто человек могли быть членами этого клуба, причем они не должны были занимать официальные правительственные посты (Россию в разное время там представляли академик С. Капица, писатель Ч. Айтматов, М. Горбачев).

Римский клуб организовывал крупномасштабные исследования по широкому кругу вопросов — начиная от экологии и перспектив развития биосферы (идеи гармоничного сосуществования чело-

века и природы) и заканчивая передовыми разработками в социально-экономической области.

Проблемы, разрабатываемые при поддержке клуба, отличались глобальностью; так, ряд ученых представил клубу доклады на тему «Трудности человечества», в которых были даны прогнозы развития всего человечества, широко обсуждавшиеся во всем мире. (Решение проблем электроснабжения, наиболее справедливая социальная структура общества, эффективная переработка отходов, рациональное использование энергии — вот лишь несколько тем, затронутых в исследованиях.)

Шах, хотя и сохранил членство в клубе, в 1974 году отказался от поездки на форум в Берлине, так как за одно из выступлений под названием «Пределы роста», которое клуб поручил ему подготовить, последовала серьезная критика. Шаха называли «пророком смерти» всего лишь потому, что в своем докладе он прогнозировал международную катастрофу, если индустриальное развитие и рост населения не будут приостановлены. «Критика, которая следовала за публикацией „Пределов роста“, спорным сообщением, уполномоченным клубом, напомнила ему, что отказ его отца присоединяться к любой организации был мудр» (Элизабет Холл. Дом между Востоком и Западом).

Римский клуб существует и сегодня, продолжая фундаментальные исследования окружаю-

щего нас мира, в геополитической структуре которого за последние годы произошли глобальные изменения.

Идрис считал необходимым принимать участие также и в работе исключительно благотворительных организаций, таких, например, как Королевское гуманитарное общество (он был членом правления), Королевский госпиталь и приют для неизлечимо больных; Шах активно участвовал в ряде благотворительных программ.

Дорис Лессинг: «Если вы знали суфия»

Дорис Лессинг, Нобелевский лауреат по литературе, была одним из самых преданных сторонников и друзей Идриса Шаха. Ее собственная духовная эволюция пережила такие этапы, как вера в коммунизм, затем феминизм и, наконец, суфизм.

В Родезии, куда ее родители-англичане поехали, чтобы обзавестись фермерским хозяйством, она стала коммунисткой; только коммунисты тогда говорили о расовой дискриминации, а категоричная девушка хотела в самые короткие сроки преодолеть барьер между белыми и цветными, мужчинами и женщинами. Сталин был ее кумиром до конца сороковых, а затем, как пишет Лессинг, «многие, кого я считала друзьями, стали переходить улицу, чтобы не здороваться со мной». У нее была неудачная семейная жизнь — за плечами два развода и трое детей; и она решилась круто изменить свою жизнь и в 1949 году переехала в Лондон, где опубликовала свой первый

роман «Трава поет» и отказалась от приверженности коммунистическим взглядам.

В 1962 году Лессинг выпустила книгу «Золотая тетрадь», которую объявили «библией феминизма» и которая пользовалась огромной популярностью в 1960-е, по сути став впоследствии основанием для вручения Лессинг десятилетия спустя Нобелевской премии с формулировкой «писательнице, которая стала летописцем женского жизненного опыта».

Но после того, как Лессинг прочла книгу Идриса Шаха «Суфизм», увлечение феминизмом ушло в прошлое, и Дорис стала яростным приверженцем суфизма. Ее поразила та безмятежность, с которой суфии относятся к бытию и отдельной человеческой жизни, в противоположность издерганным западным интеллектуалам, раздираемым всевозможными комплексами и внутренними противоречиями. И надо признать, что в своей отрешенности Лессинг достигла немалых успехов, отказавшись принять титул леди из рук самой королевы.

Идрис стал для нее настоящим Учителем; ему была посвящена ее восторженная статья 1964 года «Слон в темноте»; его она идеализировала и на его защиту, как Дон Кихот, вставала на протяжении двадцати лет их знакомства.

Ее публицистическая война с Л. Элвеллом-Саттоном, беспощадным критиком Шаха, опубликовавшим в 1975 году статью «Суфизм и псевдосу-

физм», приводила всех в восхищение. Профессор по исламской и современной Персии Лоренс Поль Элвелл-Саттон читал курс на персидском языке в Эдинбургском университете и затрагивал в своих статьях о Шахе такие сложные темы, как средневековая структура языка фарси или личный опыт суфия, в которых Лессинг была неискушенна, но она все равно смело бросалась в бой.

Вот пример их дискуссии в «Книжном обозрении Нью-Йорка», № 7, 22 октября 1970 года.

Ответ Лессинг на статью Саттона назывался «Таинственный Восток». В своей статье Дорис довольно едко писала, что явный недостаток информации и фактического материала у Элвелла-Саттона о значительных литературных достижениях Идриса Шаха и его широком признании среди британцев вызывает у нее большое удивление. И тексты, которые Саттон называет «набросками» (он говорил так о книге «Путь суфия»), получили премию одной из программ «Би-би-си» как лучшая книга года, хотя в конкурсе участвовало не менее 20 тысяч авторов.

Может быть, Саттон упрекнет и Университетскую школу европейских исследований Сассекса за приглашение автора с выступлением перед членами университета, ведь этот автор написал лишь «школьное эссе», язвительно писала Лессинг. Она также указала, что в одной из радиопередач «Би-би-си» некий академик, телевизионная звезда и, кроме того, один из самых известных

критиков, похвалил книгу Шаха, сказав, что она имеет выдающееся значение для нашего времени.

А литературное и образовательное приложения к «Таймс» постоянно восхищаются работами Шаха — может быть, они все лишь его вздорные приверженцы? Да, заключала Дорис Лессинг, у доктора Элвелл-Саттона действительно слишком мало информации. Например, такой, что у Шаха устойчивая репутация в Англии и его книги считаются многими замечательным трудом по суфийской мысли...

Лоренс Элвелл-Саттон отвечал своему оппоненту в не менее провокационной манере, заостряя внимание на том, что названные Дорис Лессинг «факты» — это всего лишь мнения отдельных людей, поэтому их ценность прямо пропорциональна квалификации их владельцев. А из похваливших книгу читателей, вероятно, лишь единицы что-то знают об исламской религиозной литературе или философии.

Напомнил он и про историю с рукописью: «Я был бы счастлив исследовать документ Омара Али; но с тех пор, спустя почти четыре года после объявления о его открытии, он все еще был не в состоянии сделать это... в этом удовольствии мне было отказано. ...осторожный анализ свидетельства в книге Грейвза/Шаха давно убедил меня (и многих других) в воображаемой природе „рукописи“... хотя... я могу дать ему адрес пресоходного подделывателя в Тегеране...»

Саттон писал, что не хотел бы приписывать Идрису Шаху или Омару Шаху сверхъестественные гипнотические способности, но, судя по радиопередаче «Би-би-си», про которую упомянула Дорис Лессинг, его можно простить за такое допущение — слишком «подхалимской» была манера собеседников Идриса Шаха... Но если говорить серьезно, продолжал он оппонировать Лессинг, дело в другом.

Часть западной интеллигенции отчаялась найти ответы на вопросы, которые сбивают с толку. Поэтому, столкнувшись с «мудростью Востока», они забывают про свои критические способности и немедленно становятся жертвами самого вульгарного промывания мозгов. Словами о том, что надо читать оригиналы, а не откровения мистиков-дилетантов, таких как Дорис Лессинг и Идрис Шах, и завершил Саттон свою статью.

Какая резкая оценка — «мистики-дилетанты». Да, война на фронтах научной мысли бывает порой очень «кровопролитной». Любопытно то, что Идрис Шах практически никогда не вступал в подобную открытую конфронтацию и публичную перепалку, что, согласитесь, выглядит очень мудро. Тому, кто уверен в своей правоте, нет нужды отстаивать ее публично...

Часть 6

**Мастер и его
стиль**

ИЗО
Terra

Есть ли популярный суфизм?

В своей «Истории западного суфизма» Эндрю Равлисон писал, что книга Шаха «Суфизм», изданная в 1964 году, является, возможно, самой известной из всех работ по суфизму, однако контакт Шаха с учителями суфизма кажется ему маловероятным. Суфизм Шаха, так же как и суфизм Беннетта, был суфизмом немусульманским, а, скорее, универсальным (то есть не являлся неотъемлемой частью ислама, как считают многие восточные суфии). Равлисон признал Шаха частью развития западного суфизма, частью, нанесенной на общую «картину» суфизма. Но несмотря на то, что Шах сделал суфизм ордена Накшибанди доступным для западного общества, сам Шах не стал, по мнению Равлисона, достаточным авторитетом для ортодоксального восточного суфизма.

Другой серьезный религиозный историк, Эрнст Карл, в своей работе «Суфизм и современный мир» отмечал, что в настоящее время суфийским общинам, расположенным на Западе, всегда при-

ходится определять свою позицию относительно принадлежности ордена к исламу. Одни группы строго придерживаются исламского закона, а другие — конформисты, считающие, что сначала люди должны проникнуться духом религии, а потом уже новообращенных можно постепенно приучать к ее ритуалам. Но есть и третья позиция, сторонники которой совсем отказываются от исламских права и символики, объясняя это универсальностью суфийской традиции.

В какой-то степени универсализм действительно присутствует в суфизме, вобравшем в себя многое из доисламских цивилизаций.

Некоторые современные суфии, по мнению этого автора, активно используют психологию и научную риторику: «Но больше всего на этом поприще преуспел Идрис Шах, с которым, пожалуй, никто из ныне живущих не в силах тягаться по количеству изданных книг, где предлагается сплав суфизма с психологией». По мнению ученого, Шах представлял суфизм не как часть ислама, а как особенный способ постижения реальности.

Суфийский учитель

Духовные откровения, которые мы переживаем, практически всегда находятся за гранью нашего повседневного опыта. Как же нам оценить их без посторонней помощи более опытных людей, уже многое испытавших на пути духовной трансформации? Рядовой обыватель не способен даже понять подобные устремления, но где искать Учителя и будет ли доступно общение, если он найден?

Великий шейх ордена Накшибанди, Бахгаутдин Накшибанди, говорил ученикам, что в любой деятельности суфийского шейха (скрыт или открыт его статус людям), как, разумеется, и в книгах, видна особая печать, особый узор — Накш. Накш и есть основной критерий для того, чтобы определить, является человек шейхом Накшибанди или любого другого тариката или нет.

Есть много книг, рассказывающих о жизни великих суфиев, с большим количеством рекомендаций для повседневной жизни, но практически все они были аскетами, а ведь подавляющее большинство

современных людей не хочет покидать социум и бросать работу, семью. Вот почему для нас так важны опыт и книги Идриса Шаха, человека, несомненно достигшего вершин духовной трансформации, но жившего полноценной мирской жизнью и добившегося социального успеха и признания.

Эта неординарная личность совмещала личное духовное развитие, общественную деятельность и главное дело своей жизни — суфийскую работу (о его методах обучения подробно написано у Майкла Берка в книге «Среди дервишей» и в книге Башира Хадрата Дервиша «Путешествие с суфийским мастером»).

Суфизм, о котором он говорил и которому посвятил жизнь, был либеральной религией, не зависящей от ислама: «Суфии представляют собой древнее духовное братство, происхождение которого никогда не было установлено или датировано» (Идрис Шах. Суфизм). Шах постоянно утверждал, что духовное учение суфизма должно быть представлено в форме и на условиях, популярных и распространенных в обществе, где они должны прижиться, и что для обучения не должны применяться однотипные упражнения для всех, но лишь те, которые индивидуально подходят для человека. Идрис говорил, что ни один суфийский орден не был учрежден человеком, которого называют его основателем, а возник уже после его смерти, дополненный теми поучениями суфия, что кто-то успел записать или запомнить.

Идрис Шах также утверждал, что ни один реальный суфий ни ходит на Западе в другой одежде, кроме повседневной европейской (не выделяется из толпы), и говорит на языке той страны, куда послан с миссией. Шах не считал, что надо быть мусульманином, чтобы быть суфием (за что его книги сжигали персидские студенты), что не надо регулярно делать зикр или бормотать что-то, непонятное для других, как поступают «имитаторы».

У Аниса спросили:

— Что такое суфизм?

Он ответил:

— Суфизм — это то, что позволяет донести до человека Высшее Знание.

— Но если я применяю традиционные методы, разработанные Мастерами, разве это не суфизм?

— Это не суфизм, если оно не выполняет для вас свои функции. Плащ больше не плащ, если он не сохраняет человеческое тепло.

— Что же, суфизм меняется?

— Люди меняются, и меняются потребности. То, что было суфизмом когда-то, больше им не является.

— Суфизм, — продолжил Анис, — внешнее выражение внутреннего знания, известного как Высшее Знание. Внутренний аспект не меняется. Следовательно, работа в целом — это Высшее Знание

плюс возможности, которые порождают метод. То, что вам нравится называть суфизмом, просто сведения о прошлом методе.

Идрис Шах. Мыслители Востока

Непрактикующему суфию никогда не узнать обо всех сторонах деятельности суфийского учителя, часть которой скрыта.

Есть такое понятие в суфизме, как «симметричное обучение», которое состоит в том, что знакомый с этой техникой учитель-суфий может общаться с учеником практически на любую тему, но скрытое послание, которое он одновременно будет передавать своему подопечному, незаметно, бессознательно внедрится в мозг ученика и впоследствии, независимо от того, понял ли это двойное послание ученик или нет, будет еще некоторое время оказывать благоприятное воздействие на его личность и жизнь.

Учитель знает, как выстроить структуру беседы таким образом, чтобы доминирующее состояние ученика совпало с тщательно выстраиваемым учителем состоянием в его собственной структуре личности. «Совпав», учитель начинает постепенно изменять как свою «настройку», так и «настройку» ученика.

Например, ученик волнуется из-за того, победит ли в следующей игре команда, за которую он болеет и на которую сделал ставку, или его

мысли крутятся около поставленного ему диагноза. Он беспокоится, поэтому невнимателен и раздражителен; это сразу чувствуется учителем, который начинает изучать общую «настройку» и место ее «сбоя». То есть он, конечно, не занимается телепатией, хотя такие практические навыки доступны продвинутым суфиям, он просто изучает общую «схему» и с помощью правильно подобранной структуры предложений, ритма дыхания помогает исправить «неполадку» в организме студента, рассуждая в это время о чем угодно.

Мы слышим о наставлениях, общении, упражнениях, но кто нам расскажет о прямой циркуляции энергии между учителем и учеником, когда учитель «вычищает» весь «мусор», заполнивший низшие и высшие центры, пытаясь не «запачкаться» и, одновременно, помочь ученику, передать ему свою бараку, включив ученика в непрерывную цепь преемственности традиции. Чтобы тот впоследствии передал ее своему ученику, выплатив «долг» своему учителю и сохранив живое учение для новых поколений суфиев.

Некоторые критики Шаха говорили о том, что притчи, которыми Идрис общался со своими учениками, — это малосущественный элемент обучения. Но подобное утверждение может свидетельствовать лишь о том, что человек не прошел соответствующую стадию обучения и не в силах понять все уровни смысла, заложенные в рассказанной учителем истории.

Если процесс развития идет и глубина понимания реальности становится все больше, человек начинает видеть те планы и уровни притч (а далее — реальности), которые раньше были от него скрыты.

Например, в официальной биографии Шаха рассказывается о том, что одна из его учениц, женщина-музыковед, говорила, что Идрис Шах помог ей расшифровать древние египетские песнопения, которых никто на земле не слышал более трех тысяч лет (она подготовила об этом радиопередачу для «Би-би-си»); а некий ученый, занимавшийся во время Второй мировой войны разработками в области военно-морских радаров, уверял, что Идрис Шах помог ему в исследовании и развитии его идей ионизации воздуха... И подобных случаев было множество.

Притчи в традиции обучения

Своим ученикам и читателям Идрис Шах объяснял, что с помощью его притч — или суфийских обучающих историй — при наличии подготовки правильного восприятия может передаваться Высшее Знание. Притчи надо не столько читать и изучать, сколько примерять их на себя, сродниться с ними.

При этом аллегорическое восприятие историй — это низший уровень понимания, но при многократном прочтении они как бы «пропитывают» ученика, оказывая свое воздействие на его личность и долгие годы спустя. Это не есть понимание в нашем обычном смысле, это, скорее, переживание, чувствование подлинной сущности космических законов, фрагменты которых скрыты во внутренней структуре притч (вот почему так важно читать тексты Идриса Шаха не выборочно, а последовательно, так, как расположил их автор). И знание, которое подготовленный ученик получает от чтения и восприятия притч, посте-

ленно накапливается, перерождая личность и приводя внутренний мир человека в гармонию со вселенной.

В книге Рафаэля Лефорта «Учителя Гурджиева», о которой мы уже говорили, есть небольшое уточнение о способе постижения суфийских текстов. На вопрос о том, как же следует изучать суфийские обучающие тексты, автору отвечают, что надо перечитывать текст несколько раз, пока постепенно не начнут усваиваться разные уровни смысла. Причем текст нужно не просто «понять» логически или метафорически, а следует «погрузиться» в него целиком, всей сутью своего внутреннего «я». Западное мышление предлагает схему, согласно которой, чтобы извлечь пользу из текста, его следует понять. Но суфийское учение не доверяет осознание истинной реальности такой грубой субстанции, как понимание, или разум. Барака может проникать в человека независимо от того, понимает он текст или нет, ее не заставишь ждать на пороге, дожидаясь, пока интеллект разрешит ей войти внутрь вашей сущности.

Некоторые фразы или притчи следует повторять много раз, но только если об этом скажет учитель, который будет основываться на потребностях ученика.

Поэтому вы не можете, используя свои психологические или филологические таланты и знания, определить «на глазок», сколько бараки содержит та или иная притча. Сам Шах рекомендо-

вал читать его книги последовательно, от начала и до конца, вне зависимости от того, «понимаете» ли вы суть историй, «нравятся» они вам или нет.

Друг и ученица Шаха Дорис Лессинг так писала о значении притч в обучении (Дорис Лессинг. Суфизм Идриса Шаха): «Трудно категоризировать книги Шаха, как и любую книгу суфия. Они написаны не в том академическом жанре, с которым мы знакомы. Его книги очень отличаются по стилю и методу. Некоторые книги по суфизму написаны методом „разброса“, где материал устроен таким образом, чтобы „воздействовать“ на подсознание читателя, обходя разум, который является самым эффективным цензором». В качестве примера «разброса» она приводит свою любимую книгу Шаха «Суфизм», книгу, которая, по ее мнению, явила Западу такое откровение, как суфийский путь.

Читатели спрашивали ее, есть ли в суфизме главная книга, своеобразная Библия. Так вот, ее не может быть, так как учение непрерывно обновляется, но книга Шаха, по мнению Лессинг, настоящая классика нашего времени, суфийская энциклопедия, вместившая в себя огромную массу самой разнообразной информации, начиная от исторических материалов и вплоть до множества притч и стихов.

Лессинг заявляла: «Чтение этой книги было самым замечательным опытом моей жизни». И поясняла неподготовленному читателю, что утвер-

ждение суфиев об использовании историй для обучения и преподавания несколько разнится с западным представлением о том, что такое преподавание. Суфийские истории не внушают читателю никакой морали или этических императивов, они могут иметь «много слоев значения, из которых некоторые не могут быть выражены словами».

И в процессе постижения этих притчей, сказок и историй ученик старается использовать ум незнакомыми ему до сих пор способами, впитывая в себя материал и игнорируя аналитический подход. При этом полное постижение сокровенной сути суфийских рассказов может занять годы ученичества.

О важности притч в традиционном обучении говорил и психолог Роберт Орнштейн в работе «Природа человеческого сознания», подчеркивая, что мифы и сказки всегда и раньше успешно использовались для обучения детей существующим этическим нормам, а некоторые истории «приносили удачу»... Но у обучающих суфийских историй есть существенный фактор отличия. Этот фактор — «действие закона, что история, как научная индустриальная формула, может иметь обучающий эффект, только если это связано с развитием человека, правильно подготовленного к ее пониманию. Вот почему мы должны использовать истории в манере, которая позволит нам сконцентрировать их ценность для нас в данной ситуации».

Но несмотря на признание его роли в развитии суфийской традиции, несмотря на большое количество учеников и последователей, несмотря на успешность деятельности «имитаторов», как он их называл, Идрис Шах не хотел быть гуру. Он говорил, что гуру появляются из потребности в нем учеников, но если следовать суфийской традиции и признавать ее, то «человек должен быть в мире, но не вне мира».

Часть 7

**А КЕМ ОН
ТОЛЬКО НЕ БЫЛ**

ИЗО
Terra

Кулинар и антиквар

Идрис в расцвете своей карьеры не выглядел восточным дервишем из сказок. А традиционно настроенных журналистов он всегда поражал своим видом европейца. «Он приветствовал меня в красной водолазке, слаксах, в носках цвета фуксии и сандалиях из телячьей кожи», — описывал их встречу журналист Эдвин Кистер, видимо полагая, что суфийский учитель должен носить тюрбан и полотняную рубаху до пят.

Идрис к пятидесяти годам говорил на прекрасном богатом английском с легким оксфордским акцентом. Он был превосходным рассказчиком — он не просто рассказывал, а, как актер, играл каждую реплику, талантливо подражая голосам и играя мимикой.

Идрис поселился в часе езды от Лондона, в сельской местности Кентиш, где на тысячи акров вокруг больше не было ни одного прямого потока Мухаммада. У него 50 акров садов и пастбищ и зеленый особняк Лангтон, раньше принадлежав-

ший лорду Бадену-Пауэлу, основателю движения бойскаутов. Сначала Шаха встретили здесь как нежеланного чужака, вызывающего подозрение своей непонятной деятельностью, но через некоторое время к нему все привыкли и стали принимать за англичанина.

В местном баре, одном на весь поселок, владелец как-то обмолвился, что Идриса как владельца самого крупного поместья можно считать сквайром. Шах был приятно удивлен, но возразил, что неподалеку есть поместье немного больше его собственного и что его владелец вполне мог бы претендовать на почетное звание местного дворянина, на что владелец паба категорично ответил: «О, нет! Он же ирландец. Он не может быть сквайром».

Идрис любил принимать гостей; в доме всегда кто-то жил: ученики, друзья или посетители. Каждое воскресенье для всех гостей накрывали большой стол в гостиной, переходящей в оранжерею, где почти круглый год рос виноград, и сидящие в креслах гости могли отщипнуть себе гроздь тут же, прямо с лозы, любуясь осенним дождливым английским пейзажем.

В его доме смешалась эклектичность Востока и практичность Запада. Входящий ступал на мягкие восточные ковры, на диванах и кушетках лежали шкуры леопардов и антилоп, в вазах стояли павлиньи перья. На стенах — старинные гобелены, на которые падали отсветы от медных подносов, в

большом количестве расставленных повсюду, в том числе и на небольшом медном столике, где рядом с кованым подносом, купленным в антикварной лондонской лавке, примостилась электрическая пищащая машинка.

Идрис проявил необычайную мудрость, сумев совместить свое служение с социальной успешностью. Он был богат и популярен и недавно стал членом Атенея, лондонского элитарного клуба джентльменов, вершины клубного Лондона. Сначала его членами были только лорды и епископы, графы и бароны, но потом в клуб допустили мужчин, которые «достигли выдающейся известности в науке, литературе или искусстве...». Здесь есть столовая, курительные, спальни, большая тихая библиотека. Членами клуба в разное время были Чарльз Диккенс, Уинстон Черчилль, Джон Дюк барон Кольридж, Чарльз Дарвин, Редьярд Киплинг, лорд Палмерстон, сэр Артур Конан Дойл.

В чужой стране Идрис добился вершины успеха, мог ли он это предвидеть? Он весьма успешный бизнесмен, но как это сочетается с суфийской работой? За бокалом пива или стаканом хорошего улунь-чая он расскажет вам это сам. Как рассказал дотошному журналисту Эдвину Кистеру, выпустившему эссе под заголовком «Великий шейх суфиев».

...Он назначил ему встречу в деревенском пабе. Сидя с журналистом за большим деревянным столом, на лакированной поверхности которого отра-

жались их лица, Идрис наслаждался ростбифом и горьким пивом, пинта которого стояла перед каждым из них.

Шах рассказывал собеседнику о том, что получил прекрасное домашнее образование и провел три года в Оксфорде. Юношей он много знал о литературе, истории, живописи, но не имел профессии, хотя сам страстно желал попасть в мир большого бизнеса. И вот теперь у него три своих предприятия: фирма, занимающаяся электроникой, ковровая фабрика, издательство «Октагон Пресс» — и все три находятся под его непосредственным руководством.

— Разве кто-то из моих бизнес-партнеров мог бы предположить, что я «великий гуру»? — улыбался собеседнику Шах. — Эти люди изучили меня достаточно хорошо, мы ведь ведем общие дела.

Люди слишком доверяют шаблонам, чтобы воспринимать истину. Кто придумал, что суфии едят только неочищенный рис? А этот вопрос Идрису будут задавать снова и снова. Вот и этот опытный журналист, с которым он так душевно поговорил о войне, не удержался и задал этот глупый вопрос, от которого борода Шаха оцетинилась колючками: «Суфии следуют специальной диете?»

От раздражения у Шаха проявился акцент: «Ничего подобного. Возможно, этого ждут люди, они этого хотят и даже требуют. Ведь совсем недавно мне уже задавали похожий вопрос».

Шах изобразил беседу в лицах, меняя мимику и тональность голоса:

— Вы, разумеется, не едите мяса?

— Разумеется, ем.

— Ах, вы меня поразили.

— А вы меня — почему вы задали такой глупый вопрос?

Шах теребил бороду и рассуждал о том, что суфии не едят один неочищенный рис и не запивают его родниковой водой, потому что у них есть вещи поважнее, чем такой образ жизни, например нести в мир Традицию, продолжать дело, которому посвятил жизнь. И для этого ему совсем не требуется изображать какой-то образ жизни.

Поставив точку в разговоре, Шах улыбнулся и подвинул к себе говядину и пиво...

Идрис был великолепным кулинаром, любившим удивлять друзей и никогда не отказывавшим себе во вкусной пище. Его друзья превозносили его кухню и буквально слетались на его приемы со всех уголков мира.

Он был терпелив и великодушен, добр и щедр, как истинный суфий. Его юмор заставлял раскрываться сердца людей, как его работа раскрывала их души.

У него самого было лишь одно увлечение, которое он сохранил до конца жизни: он очень любил антикварные лавки, где мог бродить часами, выискивая никому не известные раритеты, великолепию которых поражались знатоки. У него было

еще одно «хобби». После того как его имя стало широко известно, ему приходило до 30 тысяч писем в день, и он старался отвечать на все те письма, в которых к нему обращались как к последней надежде.

Он сумел изменить свою личность и преобразил не только свою жизнь, достигнув своих целей, но и преображал мир вокруг себя.

Его талантливые дети

Говорят, что природа отдыхает на детях талантливых родителей, но в случае с детьми Идриса этот афоризм несправедлив.

Его старшая дочь, Сайра Шах (родилась 5 октября 1964), — известный репортер, писатель и документалист. Сайра родилась и живет в Лондоне, а детство провела в Лангтоне. Она изучала арабский и персидский языки на факультете восточных и африканских исследований Лондонского университета, закончив его в 1986 году.

Когда ей исполнился 21 год, она впервые побывала в Афганистане: три года она работала в Пешаваре как репортер, освещавший советское вторжение в Афганистан. Там же она познакомилась со своим будущим мужем, швейцарским репортером, но брак распался через пять лет.

С продюсером Джеймсом Миллером Сайра сняла фильмы «За занавесом» (2001), демонстрировавшийся на «Си-эн-эн», «Безобразная война» (2001) и «Смерть в секторе Газа» (2004).

В детстве Сайра была очарована сказками отца про Афганистан, но, став журналистом, открыла для себя совсем другую страну, увидев последствия войны с Советским Союзом и жестокий режим талибана.

В интервью «Си-эн-эн» в августе 2001 года она рассказывала: «Фильм («За занавесом») — история поездки трех западных журналистов, меня и двух членов команды. Это было очень важно для меня лично, потому что моя семья приехала из Афганистана. То, что мы попытались сделать, было путешествием к территории, откуда моя семья приехала и которую я никогда не видела прежде. Я помню, когда я была ребенком, мой отец рассказывал мне истории о местных садах... и о том, что это было самое красивое место в мире, с фонтанами, плодовыми деревьями и другими замечательными вещами. Мы думали, что мы попытаемся пойти туда и увидеть то, что произошло там теперь, понять, что происходит во всем Афганистане».

Она рассказала, что одним из сюжетов фильма стала история про путешествие с группой глубоко законспирированных афганских феминисток — с другими женщинами, живущими под режимом талибана, она просто не могла общаться. Активистки рассказали ей про ужасающие условия медицинского обслуживания: больницы для женщин грязные, недостает оборудования, докторам мужского пола не разрешают осматривать женщин —

как же они смогут поставить точный диагноз, если не могут даже прикоснуться к больной? А школы для женщин находятся в глубоком подполье, и учительницы в таких школах рискуют своей свободой — за преподавание женщинам им грозит тюрьма.

Это общение глубоко поразило Сайру, так как она сама была воспитана в традициях умеренного ислама и в ее семье считали, что Мухаммад сказал о женщине, что она вторая половинка сердца мужчины и ей даны равные с ним возможности.

Сайра написала книгу «Дочь рассказчика» — историю своего детства, ее попыток совместить традиционные ценности двух культур, Афганистана и Англии («два человека живут во мне»), умеренного ислама и традиционной демократии.

Сын Идриса Шаха, Тахир Шах, один из двух близнецов, родился 16 ноября 1966 года. О его близняшке Софии почти ничего неизвестно. Тахир — документалист, писатель (автор десятка книг), управляющий Королевским гуманитарным обществом, член различных профессиональных и академических ассоциаций, член Атеней-клуба.

Книги Тахира изданы на многих языках и выпущены более чем в сорока издательствах, а его фильмы демонстрировались на Национальном географическом канале и других.

Его документальные ленты отличаются особым взглядом: Тахир говорит, что нет ничего более полезного для путешественника, желающего узнать

страну, чем сидение в кафе и наблюдение за средой, избегая «туристских достопримечательностей».

В июле 2005-го Тахир и двое его коллег из лондонского «Караван-Фильм» были арестованы в Пешаваре. Их держали в одиночном заключении, в наручниках, практически голыми и ослепленными ярким светом. Шестнадцать дней провели они в пыточной тюрьме, после чего были освобождены под давлением общественности. Тахир дал интервью британскому каналу 4 News и опубликовал статью в *Sunday Times* о том, что ему пришлось пережить, при этом выразив свои симпатии к Пакистану.

Тахир живет в Касабланке с женой Рошаной и двумя детьми, пишет сценарии, работает над книгой о Марокко, а также читает лекции по решению проблем и лидерству.

Последняя встреча с родиной

Уже будучи в преклонном возрасте, Идрис Шах неоднократно посещал Афганистан, зачастую рискуя жизнью, ведь он был на стороне моджахедов.

Он был немолод, и воспоминания детства, гималайские заснеженные вершины, снившиеся ему всю жизнь, влекли его к себе.

В последний раз он там был в 1987 году, через год после объявления о поэтапном выводе советских войск. Это была его последняя поездка на родину предков. После нее он написал одну из немногих книг, не затрагивающих тему суфизма, приключенческий шпионский роман «Кара Куш», основанный на его впечатлениях.

В этом романе писатель Адам Дурани, англичанин афганского происхождения, прошедший обучение в американской спецшколе, возвращается на родину, чтобы повести свой народ против «коммунистической оккупации», которая грозит уничтожить его страну и разбить все его мечты о модернизации. В романе приводятся интересные

факты о работе разведчиков (например, телефоны КГБ).

Идрис Шах говорил в интервью, последовавшем за выходом книги, что сюжет романа основан на фактах и рассказах очевидцев, но он сам был свидетелем «удивительного мужества самого афганского народа и ужасных злодеяний» против него.

Жизнь напоследок

То, что Идрис увидел в Афганистане — разрушенные города, истерзанная взрывами земля, тысячи бесприютных вдов и сирот, — серьезно подорвало его здоровье. Видимо, работой над романом он пытался снять с себя часть груза непосильных впечатлений, но легче ему не стало. Он воздвиг Дом Суфия и Суфизма на Западе, но его первая родина лежала перед ним в руинах.

Вскоре после поездки на родину он перенес два обширных инфаркта. Сердце не выдержало такой нагрузки.

Врачи не оставляли ему надежд на выздоровление, сообщив о том, что сердечная мышца функционирует всего лишь на восемь процентов. Но Идрис сражался с болезнью еще долгие девять лет, плодотворно работая в перерывах между частыми госпитализациями и терпеливо перенося приступы боли и физической слабости.

Он был утомлен и болен телесно, но возвышен и светел духом. Он готовился к своему последне-

му путешествию и становился менее горячным и нетерпимым, в чертах лица его проявились одухотворенность и некоторая грусть.

Он умер в Лондоне 23 ноября 1996 года в возрасте 72 лет от остановки сердца, написав за свою долгую жизнь более 35 книг и 100 монографий, в числе которых было 20 бестселлеров, переведенных на множество языков мира и разошедшихся тиражом более 15 миллионов экземпляров.

Идриса Шаха называли суфийским Наставником своей эпохи.

Его преданный друг Дорис Лессинг написала в некрологе *Daily Telegraph*, что книга Идриса Шаха «Суфизм» показалась ей самой удивительной книгой, которую она прочитала в жизни. Пусть даже эта фраза выглядит как клише, но его книга изменила ее жизнь и ее саму. Его книга каждый раз, когда она перечитывает ее, дает больше и больше.

И все это верно и для других его книг, которые составляют «карту суфийской жизни».

Лессинг начала в некрологе с воспоминания не о человеке, а о его книгах, потому что они — итог его жизни, его наследство, оставленное всем читателям.

Лессинг очень тепло отзывалась об Идрисе как о необыкновенном человеке: «Он был моим хорошим другом и моим учителем... Он был самым остроумным человеком, которого я ожидала когда-либо встретить. Он был добр. Он был щедр. Он не

желал бы этих восхвалений, поскольку он был скромным человеком, говоря фразой суфия, „не смотри на мое лицо, но возьми то, что находится в моей руке“».

Эта фраза выбита и на надгробном камне Идриса Шаха.

Кажется самой достойной эпитафией ему могут послужить строки Хадрата Бахгаутдина Накшибанди: «Читать все без разбору в суфизме — все равно что читать любые книги на разные темы без необходимой основы. Это настоящее бедствие, которое, подобно беспорядочному лечению, может сделать состояние человека еще хуже, чем вначале... И потому читайте то, что приготовлено для вас, чтобы снизошло на вас благословение вечно-го счастья...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>«Возьми то, что у меня в руке»</i>	5
Часть 1. ДЕТСТВО — ИСТОЧНИК ЖИЗНИ	7
На отрогах Гималаев	8
Легенды родословного древа	12
Сказки Симлы	30
Прощайте, Гималаи, здравствуй, Саттон	34
Часть 2. ЮНОСТЬ: ВЕТЕР ПЕРЕМЕН	37
Тяготы войны: эвакуация, бомбежки	38
Оксфорд. Три года науки	43
«Желаю быть мудрым»	45
Мир в помощь суфию	52
Выбор не своего пути	55
Те, кто поклоняется форме	57
Часть 3. ГОДЫ БЕЗМОЛВИЯ	61
Исчезновение	64
Тайна псевдонима	67
Вероучение любви	74

Учение у великих	89
Часть 4. УСПЕХИ И УСПЕВАНИЯ	101
Появление из тьмы	102
Первые книги: «Восточная магия» и «Предназначение — Мекка»	107
Три вида знания	110
В Институте изучения человеческого знания	113
«Суфизм» — не просто книга	116
Создание «школы Шаха»	120
Часть 5. ЗНАКОВЫЕ ВСТРЕЧИ	123
«Вечный ученик» и «декларация людей традиции» ..	124
Человек и суфий	134
Новая версия Рубаи	139
Римский клуб	147
Дорис Лессинг: «Если вы знали суфия»	150
Часть 6. МАСТЕР И ЕГО СТИЛЬ	155
Есть ли популярный суфизм?	156
Суфийский учитель	158
Притчи в традиции обучения	164
Часть 7. А КЕМ ОН ТОЛЬКО НЕ БЫЛ	169
Кулинар и антиквар	170
Его талантливые дети	176
Последняя встреча с родиной	180
Жизнь напоследок	182

ОТДЕЛ СБЫТА
(812) 235-70-87, 235-61-37, 235-67-96
E-mail: sales@nprospect.sp.ru

КНИГА — ПОЧТОЙ:
тел. (812) 715-36-66

ИДРИС ШАХ — ВЕСТНИК СУФИЗМА

Ведущий редактор *Е. С. Зверева*

*Присланные рукописи не возвращаются
и не рецензируются*

Подписано в печать 06.03.2008. Гарнитура Журнальная.
Формат 70 × 100 ¹/₃₂. Объем 5 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ №

*Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2 - 2-953000*

Издательский Дом «Афина»

Адрес для писем: 199053, СПб, а/я 20
Тел./факс отдела сбыта (812) 235-61-37, 235-70-87

E-mail: id@npr.sp.ru; sales@nprospect.sp.ru

<http://www.nevskiy.ru>
<http://www.newsbook.ru>

Отпечатано по технологии СтР
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.